

Русская Православная Церковь

ISSN 2225-0271

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 4 (85) 2012
июль — август

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

- **Лоцман в житейском море**
- **Не может кончиться работа жизни**
- **Диагноз: псих влюбленный**

**Тема номера:
БЕЗ ЧЕГО
НЕВОЗМОЖНО ЧУДО?**

Личная вера Христофора Хилла Духовное чадо митрополита Сурожского Антония – сегодня гость «Лампады». С ним беседует Павел Демидов

— **Т**ема этого номера: «Без чего невозможно чудо?» В основе ответа, в широком смысле слова, лежит: чудо невозможно прежде всего без веры человека. Если не будет этой веры, тогда не может совершиться и чудо. Как вы сформулировали, что такое чудо?

– Во-первых, я сказал бы, что чудо, как вы говорите, в широком смысле – это то, что кажется невозможным с человеческой точки зрения, но становится возможным при Божией благодати. Я говорю о чуде не как о чем-то аномальном, о том, что нарушает физические, или химические, или биологические законы. Сама жизнь есть чудо. С помощью уже названных здесь законов мы можем изучать это удивительное Божие творение – жизнь, но никакие законы нам не ответят: КАК это чудо возникло? Можно смотреть на мир по-разному. Допустим, на цветок – глазами биолога, то есть изучать его химический состав, строение клетки и так далее. А можно – глазами поэта. Не случайно же слово *поэт* в греческом означает *творец*. В греческом переводе Ветхого завета Бог так и называется – *Поэт*. И поскольку каждый человек создан по образу и подобию Божию, он неизбежно несет в себе не только творческое начало, но также и способность поэтического видения и восприятия мира. Способность распознавать того *Поэта* с большой буквы, Который создал этот цветок.

– **Насколько верна, по-вашему, такая формулировка? Чудо – это реальность, которая не поддается рациональному объяснению.**

– Думаю, это так. Потому что чудо совершается за пределами известных нам естественных законов...

– **А нередко и вопреки им.**

– Я бы сказал: вопреки нашим представлениям об этих законах. Ибо Господь существует за этими пределами. Все, что мы знаем, это капля в океане. Мы не знаем и не можем знать о Боге всего. Это непостижимо. Знание о Боге нам передается языком символов, который доступен человеческому разуму.

– **И чудо – из этой же категории?**

– Безусловно. И об этом не следует забывать. Не случайно Священное Писание напоминает нам о непостижимости Бога, о том, что Бог выше Своего творения. Об этом хорошо сказано у апостола Павла в Послании Римлянам.

– **Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?»**

– Но тот же двадцатый стих девятой главы начинается не менее значительной фразой: «А ты кто, человек, что споришь с Богом?» Это к вопросу о нашем послушании Богу, о нашем смирении. Нам не следует стараться проникать в недра Непостижимого. Нам достаточно научиться распознавать Бога.

– **Но как? Как в этом преуспеть?!**

– Прежде всего, конечно, приобщаясь к таинствам церковным. И просто распознавая Его присутствие во всем, что нас окружает. Ведь даже сам факт, что мы с вами существуем и находимся здесь, – уже чудо. Как же такое не видеть, не понимать, не ценить?

– **И объяснение всему одно – только проявление воли Божией. Так?**

– А чем иным можно объяснить все, что совершается со всеми нами? Одного нашего произволения для этого недостаточно.

– **Нет ли здесь привкуса детерминизма: все, мол, решено за нас, все предопределено?**

– Я бы не сказал. Свобода воли человека вносит существенные поправки в наши проекты. К сожалению, они зачастую далеко не идеального свойства, но это уже вопрос другой. Сошлюсь на личный опыт. Я живу в России почти двадцать лет. Помню жизнь в старом Советском Союзе, поскольку не раз приезжал сюда прежде. То, что затем произошло в стране, в то время казалось абсолютно невозможным. И тем не менее это произошло. Да, россияне распорядились открывшимися перед ними возможностями не лучшим образом, но страна освободилась тогда от тотальной власти коммунистов. Разве же это не чудо и не Промысл Божий? А какое место в жизни общества занимает сегодня Русская Православная Церковь? Можно ли было предположить такое лет тридцать назад?

– **Чудес в жизни значительно больше, чем человек может их увидеть и различить. Человек вообще очень пластичное существо, я имею в виду его способность адаптироваться. Вероятно, это в принципе положительное свойство провоцирует его на привыкание и к чуду. Ведь очень часто мы проходим мимо чуда, просто не замечаем его.**

– Совершенно верно. Очень важно то, какими глазами мы смотрим на мир, как относимся к окружающим нас людям и их поступкам. Можно жить в ожидании чуда, в надежде на чудо, а можно – забывая о том, что оно существует и присутствует в нас и с нами. Хочу подчеркнуть: я имею в виду чудо в его философском, сакральном смысле, а не в приземленно-бытовом.

– **Если человек будет об этом помнить, он будет по-иному относиться и к окружающему миру, и к людям, надо полагать.**

– Конечно!

– **А в вашей личной жизни... Приходилось ли вам встречаться с чудом?**

– Если чудом называть Промысл Божий, тогда – безусловно.

– **И вы можете сказать об этом конкретно?**

– Пожалуй, я вряд ли смогу с ходу назвать что-то конкретное. Но бывают такие моменты, я бы назвал их *откровением*, когда ты чувствуешь, что все правильно, корректно, так и должно быть. В Евангелии есть удивительное место – когда апостолы стоят на горе Фавор и Иисус преображается перед ними. И они сказали тогда: Господи, нам здесь хорошо. Бывают такие моменты, я имею в виду – по ощущениям, и в нашей земной жизни: личная встреча человека с Господом. Мне, например, вспоминается первое посещение православного богослужения почти тридцать лет назад. Это было в России, во время моей студенческой стажировки. Вспоминаются встречи с разными людьми, которых объединяло одно – все они жили в Боге. Вспоминаются беседы и встречи с ныне покойным митрополитом Антонием. Если же говорить о чудесных проявлениях как о чем-то сверхъестественном, их было очень мало и они больше касались других людей, но, честно говоря, я предпочел бы об этом не распространяться.

– Что ж, могу вас понять. Вы достаточно близко знали владыку Антония?

– Да. Я считаю его своим духовным наставником. Встреч с ним было не очень много, но каждая становилась для меня, без преувеличения, огромным событием, наполненным глубоким содержанием. Особенно после того, как я стал священником. Ведь мой путь был в какой-то мере специфическим. Иностранец, который приехал служить в Россию, – согласитесь, так бы-

вает не часто. Беседы с митрополитом Сурожским Антонием запечатлелись в моей памяти на всю жизнь. Особенно – касающиеся пастырского окормления людей, которые готовятся к смерти. Я имею в виду служение в хосписе.

– Можно сказать, эти встречи предопределили ваше нынешнее послушание?

– Да, да, безусловно.

– А в Россию вы приехали еще мирским человеком?

– Да, я приехал сюда в начале девяностых повидаться с друзьями. Вскоре познакомился со своей будущей женой. Она, в свою очередь, познакомила меня с американским православным священником. Он сказал, что ему на американское подворье нужен второй клирик, англоязычный и знающий к тому же русский язык. Разве не чудесным образом все в итоге устроилось? Девяностые годы, вы знаете это не хуже меня, были непростыми. Поэтому переоценивать ситуацию тех лет не стоит. Да и я был тогда другим человеком. Мне 27–28 лет, еще не улеглась тяга к приключениям, к романтике... Только сейчас отдаю себе отчет, насколько все было сложно и неоднозначно. Но, с другой стороны, открывались большие возможности проявить себя.

– В чем же?

– Само собой, в служении Господу.

– Но разве нельзя было служить Господу в родной Англии?

– Разумеется, можно. Но если Бог всюду, значит, и служить Ему можно тоже всюду.

– И все же: почему Россия?

– Чудо. Мы же говорим именно о нем, или я неправ? Тогда я приехал, повторюсь, увидеться с друзьями, которых я приобрел в годы студенчества еще в восьмидесятые. Я только что закончил аспирантуру в Оксфорде, работал в библиотеке.

– Сюда вы приехали без каких-то конкретных планов и намерений. Повидаться, пообщаться...

– Их просто не было, планов... Планы потом сами ко мне пришли.

– А специальность у вас какая по университету?

– Русская филология. Язык, история, литература, словесность...

– Россия вас давно интересовала?

– Еще с детства. Подростком начал изучать русский.

– Что-нибудь подтолкнуло или просто внутреннее влечение?

– Само собой пришло решение: буду изучать русский.

– Вот когда еще начал осуществляться Божий Промысл. Поэтапно. Сначала встретились с друзьями. Потом познакомились с будущей женой. Потом – с настоятелем американского подворья. Потом вас рукоположили. А все вместе и есть чудо жизни. Так?

– Да, конечно.

– Сейчас у вас только хоспис?

– Хоспис – это мое второе послушание. Я еще клирик храма Патриаршего подворья бывшего Андреевского монастыря.

– Так что на отсутствие работы не жалуетесь.

Митрополит Сурожский Антоний (Блум)

О чудесах

Раз за разом мы читаем и в Евангелии, и в Ветхом Завете о чудесах, и поистине можем видеть их на протяжении веков в жизни Церкви: чудеса исцеления, чудеса обновления человеческой жизни силой Божией. И иногда люди – все мы – задаем себе вопрос: что такое чудо? Значит ли, что в момент чуда Бог насилует собственное творение, нарушает его законы, ломает что-то, Им Самим вызванное к жизни? Нет, это было бы магическим действием, это значило бы, что Бог сломил непослушное, подчинил силой то, что слабо по сравнению с Ним, Который силен.

Чудо – нечто совершенно иное: чудо это момент, когда восстанавливается гармония, нарушенная человеческим грехом. Это может быть вспышка на мгновение, это может быть начало целой новой жизни: жизни гармонии между

Богом и человеком, гармонии тварного мира со своим Творцом. В чуде восстанавливается то, что должно бы быть всегда; чудо не означает что-то неслыханное, неестественное, противное природе вещей, но, наоборот, такое мгновение, когда Бог вступает в Свое творение и бывает им принят. И когда Он принят, то Он может действовать в сотворенном Им мире или в каждой отдельной твари свободно, державно.

Пример такого чуда мы видим в рассказе о том, что случилось в Кане Галилейской, когда Матерь Божия обратилась ко Христу и на этом убогом сельском празднике сказала Ему: У них вино кончилось!.. Сердца людей все еще жаждали человеческой радости, а вещество радости иссякло. И Христос обращается к Ней: Что между Мной и Тобой, почему Ты Мне

– А работы вообще должно быть много. Это нормально.

– Дети есть?

– Георгий, Григорий и София.

– А матушка работает?

– Елена преподает английский.

– Вы сразу пришли к православию?

– Не сказал бы...

– Как у Серафима Роуза?

– Нет. Православие для меня было... как бы вам сказать... окончательным оформлением христианской веры, веры в Иисуса Христа, которая уже существовала во мне. Можно сказать, что у меня сперва была личная вера, а узнав православие, я понял, что моя вера нашла для себя дом. Я не считаю себя обращенным из другой конфессии. Моя единственная церковь – это Православная Церковь, точнее – Русская Православная Церковь. Другой церкви я не знаю.

– На родине у вас кто-то есть?

– Да, конечно. Родители, братья, сестра...

– Теперь для вас не существует другого вопроса, кроме как жить в России. Это ваш дом.

– Вы знаете... планировать вперед... это невозможно. Это не по Евангелию

– Если хочешь рассмешить Бога, расскажи Ему о своих планах?

– Примерно так. Лично для меня, как для христианина, странно, почему люди обращаются к гадалкам. Я не знаю и не хочу знать свое будущее. Я хочу жить в ожидании сюрпризов, если хотите – чудес. Иными словами, я хочу жить по воле Божией, а не по своей воле.

– Если Сам Христос обращается к Богу (Мф. 22:42): «не Моя воля, но Твоя да будет» – что же тогда говорить нам, людям?!

– Именно.

– А как, по-вашему, сопрягаются чудо и вера? Они непременно состоят в обусловленной связи, или в жизни неверующего человека тоже может произойти чудо? Если он даже не просит об этом?

– Я думаю, они связаны. Потому что веру нужно рассматривать прежде всего как духовное состояние церковной общины, вообще некой человеческой общности, а не только отдельно взятой личности.

– То есть отдельно взятая личность может быть и неверующей.

– И таких отдельных, увы, достаточно много. А общность – совсем иное. Здесь и вера, и молитва, и образ жизни. И она, эта общность, в своих взаимоотношениях с Богом как бы компенсирует неверие той самой отдельно взятой личности. Так что даже исцеление может прийти к человеку, если тот и далек от веры.

– Но это может происходить и просто по воле Божией?

– Да, конечно. Как, собственно, все в этой жизни. Чудо не может быть заказным. Это абсолютно исключено. Значит, оно – следствие чьей-то воли. А чьей конкретно – думаю, пояснять не нужно.

– Мы привыкли, что чудо – это всегда благо. А может ли оно быть... со знаком минус, что ли?

– Что вы имеете в виду?

– Допустим, человек просит исцеления. А оно ему не дается, напротив, может, становится хуже. Не потому ли, что Господь лучше знает, что для этого человека по-настоящему полезно?

– Гм... Человек, конечно, может молиться об исцелении, вообще о многом. Это не значит, что его желание обяза-

тельно станет реальностью. Иначе в жизни не будет места надежде. Надежде на чудо. И, пожалуй, самое главное: отношения человека с Богом не могут строиться по закону товарно-денежных отношений: я – тебе, ты – мне. Я Тебе молитву, свечу, молебен, а Ты мне за это – здоровье. Торг с Богом неуместен, невозможен и недопустим. Вы же сами сказали в начале беседы, что чудо – это реальность, которая не поддается рациональному объяснению. Человек может ждать одного, а к нему приходит совсем другое. Почему? Рационально не объяснить. Здесь, в хосписе, я исповедовал очень много разных людей. Одни прошли сталинские лагеря, другие – войну, третьим выпало и то, и другое... Среди них встречалось немало тех, кто всю жизнь оставался вне церкви, а некоторые даже были к ней враждебны. Но именно когда приходили скорби, человек начинал переосмысливать свою жизнь. И прежде всего это заключалось в том, что он начинал чувствовать: Бог – есть.

– Как вы ему в этом помогли?

– Свою задачу я видел в том, чтобы выслушать человека. Не говорить, а именно выслушать.

– В самом деле, нигде в Евангелии Христос не говорит: «Имеющий язык да скажет». А вот «имеющий уши да слышит» – в нескольких местах.

– А в Евангелии нет ничего случайного. Священник, по сути, присутствует при чуде обретения веры. Это все равно что быть свидетелем того, как раскаялся на кресте благоразумный разбойник и услышал слова Иисуса: «Ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:43).

– Почему все же одним открывается чудо веры, а другим – нет? Так

говоришь это?... И Она не отвечает Ему прямо; Она обращается к слугам и говорит: Что бы Он ни сказал – то сделайте... Она отзывается на вопрос Христов действием совершенной веры. Она неограниченно верит в Его мудрость, и в Его любовь, и в Его Божественность. И в это мгновение, поскольку вера одного человека распахнула дверь и для всякого, кто выполнит, что ему сказано, Царство Божие водворяется, в мир вступает новое измерение вечности и бездонной глубины, и то, что было иначе невозможно, становится реальностью.

И здесь мы поставлены перед лицом тех необходимых условий, которые делают возможной эту восстановленную гармонию. Прежде всего, должна быть нужда, нужда реальная; не обязательно трагическая, она может быть и незатейливой, но она должна быть подлинной. И радость и горе, болезнь и подавленность в равной мере нуждаются быть приведенными в нечто большее, чем земля, в нечто такое же про-

сторное и глубокое, как Божественная любовь и Божественная гармония.

Должна быть также беспомощность: пока мы думаем, что мы можем что-то сделать сами, мы не даем Богу пути. Мне вспоминаются слова одного западного святого, который говорил: Когда мы в нужде, мы должны передать все попечение Богу, потому что тогда Он должен что-то сделать, чтобы отстоять Свою честь... Да, пока мы воображаем себя хоть отчасти хозяевами положения, пока мы говорим: «Я сам – Ты только немножко помоги», – мы не получим помощи, потому что эта помощь должна разметать все человеческие ухищрения.

И следующее – это Божественное сострадание, о котором мы слышим так часто в Евангелии: Милосердова Христос... Христос сострадает, Христос жалеет, и это значит, что Он посмотрел на людей в нужде, которые ничем не могут облегчить своей нужды, и испытал боль в Своем Божественном сердце:

хочется проникнуть в эту тайну... У меня есть близкий друг, коллега. Он человек неверующий. Но христианин по своей душе. Чистый, порядочный, надежный, добрый... Я ему говорю: не понимаю, почему ты вне веры. Человек с таким душевным устройством не может не верить. Он возражает: я верю в разум, в добро, в любовь...

– Такие знакомые слова... Еще космос называют...

– Я ему говорю: все вместе это и есть Господь Бог. Но я бы отнес наши споры скорее к терминологическим расхождению. Когда же он говорит, что не верит в Воскресение Христа...

– Это уже принципиально. «...Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша». То, что апостол Павел сказал Коринфянам в своем Первом послании (15:14), относится и к вашему случаю.

– Мне еще предстоит с ним беседовать. Я не понимаю, говорит он, ради чего Господь принес в жертву Своего Сына. Для искупления людских грехов? А как Он их искупил, если человечество по уши в грехах?

– Что ж, вполне резонные и разумные вопросы. Но – для человека, действительно далекого от христианской веры. Наивно думать, что достаточно открыть ту или иную книгу – и вот он, ответ на интересующий вас вопрос. Ответы приходят к человеку через жизненный опыт, через личную встречу с Богом. Уговаривать человека верить во что-то или в кого-то мы не можем. Здесь нужны не слова, а личные действия.

– Но разве качеств, которыми обладает мой друг, недостаточно для встречи с Богом?

– Характеризуя друга, вы употребили, в частности, слово *доброта*. Это прекрасное качество, но мне хочется добавить несколько слов. Я бы назвал доброту путем к святости. Любой человек, верующий он или нет, может быть добрым. Но доброта сама по себе еще не святость. Источник святости – не сам человек, а только Господь Бог. И это тоже познается через личный опыт.

– Да, но опыт человек может приобрести, когда он хочет его приобрести.

– Желание, конечно, играет определенную роль, но опыт так или иначе накладывается свою матрицу на человека. Я даже не могу понять, как можно представлять мир без Бога. Я просто не могу по-другому мыслить. Лично я просто не могу не верить в Бога.

– Почти по Блаженному Августину: высшая добродетель – не быть в состоянии грешить.

– Логика построения фразы такая же. Но мы можем взирать лишь снизу вверх на этого святого.

– Что же получается? Важен только личный опыт? А все поколения до нас, выходит, трудились каждый для себя?

– О, с наследованием и передачей опыта происходит нечто парадоксальное. Современные информационные технологии практически мгновенны и не знают границ. Но люди, внешние объединенные их сетями, в действительности разобщены. А в первые века нашей эры христианская вера распространялась очень быстро. Технологией было живое слово людей, которые сами видели Христа. Опытом христианской истории никак нельзя пренебрегать. Куда там Интернету!..

– В самом деле. В Евангелии есть эпизод, что называется, в тему. Христос, войдя в лодку, отплывает от берега и обращается к людям, стоящим на суше. Плеск воды, расстояние, негромкий голос Иисуса... никакого, само собой, усиления звука – тем не менее, Его слышат все, и каждое слово доходит.

– Так бывает, когда слово обращено к сердцу человека. Можно, конечно, и даже нужно пользоваться современными технологиями, но слово так и останется зерном при дороге, если оно не посеяно в душу. Удивительным в этом смысле даром обладал митрополит Антоний. Сколько бы людей ни собирала его проповедь, каждый чувствовал, что владыка говорит именно с ним. Я знаю это по себе.

– Вам много довелось с ним общаться?

– В течение лет десяти, наверное. Но это бывало только тогда, когда я возвращался из России домой. Я приезжал к нему в Лондон, он всегда уделял мне какое-то время...

– А какой была ваша первая с ним встреча?

– Первой была встреча через его книгу. А лично познакомился уже в Оксфорде, еще студентом. Какой талант общения был у владыки!.. Любопытно, любой собеседник становился для него не просто центром внимания. От него буквально исходила любовь к этому человеку. Именно тогда я понял, что важнее: говорить самому или слушать другого.

– Можно сказать, что этому вы в какой-то степени научились у него?

– Если называть себя учеником владыки Антония, то только плохим. Это чудо мне еще не открылось.

– Спасибо за беседу.

– Помогите вам Господи.

вот люди, чья жизнь должна быть полнотой и торжествующей радостью, – а они измучены нуждой. Иногда это голод, иногда это болезнь, иногда – грех, смерть, одиночество: что угодно, но Божия любовь может быть только или ликующей, торжествующей радостью, или распинающей болью.

И вот, когда соприсутствуют все эти элементы, тогда устанавливается таинственная гармония между Божией скорбью и человеческой нуждой, человеческой беспомощностью и Божией силой, любовью Божией, которая выражается во всяком: и в великом, и в малом.

Поэтому научимся такой чистоте сердца, такой чистоте ума, которая сделает нас способными обращаться к Богу с нашей нуждой, не пряча от Него своего лица; если же мы недостойны приступить к Нему, то приступим, припадая земно к Его ногам, и скажем: Господи! Я недостойн, я недостойна! Я недостойн стоять перед Тобой, я недостойн Твоей любви, недостойн Твоего

милосердия, но вместе с этим я знаю Твою Любовь еще больше, чем я знаю свое достоинство, и вот я прихожу к Тебе, потому что Ты – любовь и победа, потому что в жизни и в смерти Твоего Единородного Сына Ты явил мне, как дорого Ты меня ценишь: цена мне – вся Его жизнь, все страдание, вся смерть, сошествие во ад и ужас ада, ради того, чтобы я только был спасен...

Станем же учиться этой творческой беспомощности, которая заключается в том, чтобы оставить всякую надежду на человеческую победу ради уверенного знания, что Бог может то, чего мы не можем. Пусть наша беспомощность будет прозрачностью, гибкостью, всецелым вниманием – и вручением Богу наших нужд: нужды в вечной жизни, но и незатейливых нужд нашей человеческой хрупкости – нужды в поддержке, нужды в утешении, нужды в милости. И всегда Бог ответит: Если хоть немножко можешь поверить, то все возможно!.. Аминь.

17 августа 1986 г.

Смотрите фильмы Кустурицы и Тарковского, читайте Грина – советует писатель Алексей Варламов, отвечая на вопросы «Лампады»

— **Как вы относитесь к такому определению: чудо – это реальность, которая не поддается рациональному объяснению?**

– Для меня чудесное объяснение чуда не отменяет рационального. Скорее, устанавливает определенные границы. Чудо не враждует с разумом, не противоречит ему, оно лишь позволяет ощутить более полную и подробную картину бытия, где есть место и соблюдению физических законов, и их нарушению. В конце концов, и к идее Творца, идее сотворения мира, к доказательству бытия Божьего можно идти разными путями, в том числе и рациональным. Поэтому я бы уточнил: чудо – это реальность, для объяснения которой недостаточно лишь рационального объяснения. Но, впрочем, этого объяснения часто недостает и для понимания вещей самых обыкновенных. Это я к тому, что грань между чудом и не-чудом весьма зыбкая, подвижная, и порой мы сами не знаем, на какой территории находимся. А иногда – сразу на двух. Жизнь как чудо – это не только название моего любимого фильма Кустурицы, но и вообще некая универсальная формула бытия.

– **Что же, по-вашему, должно быть необходимым условием, чтобы совершилось чудо?**

– Воля Божья. Это если говорить коротко. А если более развернуто... Вот был такой писатель Александр Грин, который в известной всем повести «Алые паруса» вложил в уста своего героя следующую сентенцию: «... Я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками... Когда душа таит зерно пламенного растения – чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии». Но если в «Алых парусах» все как раз вполне рационально, мотивировано, то в других сочинениях Грина, например, в романах «Блестящий мир» и «Бегущая по волнам», а особенно в рассказе «Фанданго» чудо не только необъяснимо с точки зрения логических законов, но служит своего рода тестом, лакмусовой бумажкой: в глазах автора люди, признающие чудеса, принадлежат к высшей касте, сомневающиеся в них – к низшей, и Грин эту границу очень точно обозначает. Насколько близки и дороги ему те, кто в чудо верит, настолько же неинтересны скептики, малoverы. В «Фанданго» во времена голода в послереволюционном Петрограде появляется некий кудесник, маг, который привозит голодающим жителям бесполезные, с точки зрения обывателя, дары – дивные полотна, гитары, узоры – лишь один человек в этой

негодующей толпе может их оценить и постичь высший смысл и за это получить награду. Грина как писателя природа чуда чрезвычайно интересовала, хотя в его собственной жизни видимых чудес было не так уж много, больше страдания, горя. Может быть, поэтому он и создал особую страну, где подобные чудеса случаются, пытаюсь литературой восполнить то, чего ему не хватало в жизни. Это тоже путь. Который, заметим, привел Грина, человека очень страстного, мятежного, в конце жизни к Церкви и к христианской кончине живота. Чудо как средство постижения веры – вот, если хотите, принцип жизни этого человека.

– **А как они соотносятся между собой – чудо и вера?**

– Чудо требует веры, а вот вера не должна требовать чуда как доказательства. Чудо может случиться и с теми, кто не верует. Жесткой взаимосвязи тут нет. А есть, на мой взгляд, другое. Я очень люблю пушкинские слова о том, что случай – это орудие Промысла, и поскольку наша жизнь в основном из случаев состоит, то так или иначе мы живем в пространстве Божьего Промысла. И это есть главное чудо жизни, которое очень по-разному себя проявляет. Чудес вообще больше, чем

о них принято думать. Я помню, что когда еще учился в школе и был далек от какой бы то ни было сознательной религиозности, мое абсолютно гуманитарное сознание и воображение поражала на уроках физики красота устройства атома, на уроках химии – таблица Менделеева, на биологии – строение клетки и т.д. Это же действительно чудо – Божий мир, такой, какой он есть, и наша в нем жизнь. Да хотя бы одно то, как гениально точно движется Земля по своей орбите и удерживает тончайший слой атмосферы. То, что мы каждый день видим свет, дышим воздухом (другое дело, как мы его загрязняем), пьем воду... Вот где чудеса. И вот где вера и благодарность Тому, Кто это создал. В иные минуты или в каких-то определенных местах на Земле я ощущаю это особенно остро. И в этом смысле чудо для меня – проявление естества этого мира, а не только его сверхъестественности.

– Чудо – это всегда отклик на устремление человека или оно может совершаться «само по себе»?

– Да по-всякому, наверное, может быть. Никакого механизма тут нет. Как оно хочет, так и совершается. Если солнце одинаково светит и злым людям, и добрым, то нечто похожее можно сказать и про чудо. Другое дело, с каким сердцем человек это чудо воспринимает и как оно на него влияет. У одного испанского писателя есть рассказ «Первое чудо». Там главный герой – злой и жестокий хозяин, которого все домочадцы и слуги очень боятся. И вот однажды зимой в доме у этого человека, точнее в хлеву в его большом хозяйстве, останавливается молодая женщина, у которой рождается младенец. И хозяин, который спускается в хлев, чтобы ее прогнать, видит этого младенца и вдруг преображается, и все это замечают и не понимают, что и почему с ним произошло. В этом преобразении человека и есть смысл любого чуда, ибо чудо – это всегда знамение, знак.

– Лично с вами происходили какие-нибудь чудеса? Если да, то при каких обстоятельствах? Что вы испытывали после этого?

– Случались. Может быть, не очень часто, но случались. Впрочем, многие вещи открываются человеку

годы спустя, и он вдруг понимает, что с ним когда-то произошло чудо. Это как со счастьем – оно больше живет в наших воспоминаниях, нежели в сегодняшней реальности. Чудеса проходят порой незаметно, сокровенно, но я не уверен, что о них стоит рассказывать в форме прямых ответов на прямые вопросы. По крайней мере, я к этому пока что не готов. Но очень рекомендую всем прочитать книгу Олеси Николаевой «Небесный огонь», где как раз чрезвычайно много о чудесах рассказывается. И вот почему это, кстати, важно и почему я Олесе Николаевой за эту книгу благодарен и рад, что в своей благодарности не одинок, ибо Олеся Александровна получила в этом году Патриаршую литературную премию. Так получилось, что русская литература XX века в самых высоких, трагических своих образцах – от Андрея Платонова до Варлама Шаламова, от Михаила Булгакова до Виктора Астафьева – прошла под знаком богооставленности, сиротства нашего. Когда, казалось, Небо то ли за дурные дела людские, то ли за маловерие, то ли еще почему-то от нас, грешных, навсегда отвернулось, бросило одних выживать в катаклизмах и разбираться с житейскими неурядицами. А тут читаешь историю про поэта-фронтовика Александра Николаева (отца Олеси), чудом спасенного под Гданьском в конце войны благодаря заступничеству Серафима Саровского, или же более близкий к нам по времени рассказ про то, как удачливый бизнесмен по прозвищу Леша-майонез стал смиренным иеромонахом Флавием, или про облачко, которое появляется на горе Фавор в день Преображения Господня, – и видишь, что не брошены мы, не оставлены, все под присмотром находимся, и от этого на душе иначе становится. Не то что легче бы, но иначе, потому что появляется то самое чудесное измерение, без которого в жизни – одни сомнения и тягостные раздумья.

– Отношение к чуду человека верующего и неверующего. Как его можно охарактеризовать? Есть у вас в этом личный жизненный опыт?

– Мне для ответа на этот вопрос опять пригодилась бы литературная параллель, и прошу простить меня,

что я так литературой злоупотребляю. Возьмите повесть братьев Стругацких «Пикник на обочине» и фильм «Сталкер» Андрея Тарковского. Или даже написанный Стругацкими сценарий и фильм. То же самое, кстати, относится и к «Солярису» – роману Лема – и фильму того же Тарковского. В одном случае – классическое отношение и понимание чуда людьми неверующими, во втором – отношение глубоко религиозное. Я этим не хочу сказать, что Стругацкие или Лем хуже либо лучше Тарковского, просто это разное миропонимание, иное мироощущение.

А вообще на бытовом уровне для неверующего или несильно задумывающегося над жизнью человека существует такое, наверное, отношение к чуду – вот повезло! Или кому-то повезло, а мне, наоборот, не повезло. И часто это вызывает зависть или ощущение несправедливости. Эту коллизию очень точно обозначил Пушкин в «Моцарте и Сальери». Дар Моцарта – чудо, и Сальери он кажется незаслуженным, несправедливым. В таланте Сальери ничего чудесного нет, это только учение и труд. Две разных природы. И дело даже не в том, что Моцарт верует, а Сальери – нет (Сальери, наверное, тоже верует, и даже не наверное, а точно верует – все его монологи ведь обращены к Небу). Главное, что Моцарт – доверяет, а Сальери – не доверяет. Чудо требует доверия, простодушия, детскости. Граница проходит где-то здесь. Поэтому, кстати, так связаны чудеса с детством и в детстве происходят, к детству обращены.

– Случалось ли вам оказаться свидетелем или участником чуда, которое происходило с другими?

– Случалось. Но, опять же, я не уверен, что об этом надо рассказывать просто так. Этот разговор требует другого формата. В своей прозе я об этих вещах писал. В «Рождении», в «Еве и Мясоедове», в некоторых своих рассказах. Но повторяться, пересказывать самого себя мне не хотелось бы.

– И наконец. Всегда ли чудо совершается во спасение или во благо, или оно может быть со знаком минус?

– Если чудо от Бога – то какой же это минус? А если не от Бога – то какое же это чудо?

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Протоиерей Леонид Калинин, член Патриаршего совета по культуре</i></p>	<p><i>Сергей Баранов, 18 лет, студент</i></p>	<p><i>Светлана Борисовна, пенсионерка, доброволец в хосписе (сниматься отказалась)</i></p>
<p>Ваше определение чуда?</p>	 <p>Это особое действие благодати Божией в мире, которая является проявлением некой сверхъестественной силы Божией, «побеждающей естества чин».</p>	 <p>То, что дается Богом для того, чтобы человеку стало лучше.</p>	<p>Когда в сумеречном сознании и вдруг – радость. Открываешь глаза и принимаешь Божий мир как он есть. Но это не определение чуда. Формулировать не берусь.</p>
<p>Без чего невозможно чудо?</p>	<p>Чудо невозможно без благодати Божией. Чудо может совершаться с человеком совершенно неверующим, даже богоборцем. Господь часто являет чудо таким людям.</p>	<p>Как невозможно без неба, так чудо невозможно без нас.</p>	<p>Я живу среди ежедневных чудес. Требуются только внимание и благодарность.</p>
<p>Случалось ли чудо в вашей жизни?</p>	<p>Да, многократно. В какой-то степени я и к вере пришел благодаря огромному количеству чудес, которые происходили в нашей семье во время воцерковления моего и моих родителей.</p>	<p>И не одно. Хотя бы случаи, когда выздоравливали близкие, когда Господь посылал им Своим Промыслом какие-то события, которые меняли все в лучшую сторону, и не так, как я просил.</p>	<p>Еще как! (Достала диктофон и включила запись соловьиной трели). Вчера я пошла к Новодевичьему монастырю и записала соловья. И всем говорю: вот видите, какое чудо возможно!</p>
<p>Может ли быть чудо со знаком минус?</p>	<p>Не может. Единственно, оно может быть вразумляющим.</p>	<p>Наверное, нет.</p>	<p>Со знаком минус? Я не понимаю.</p>
<p>Что, на ваш взгляд, есть самое большое чудо в жизни?</p>	<p>Самое большое чудо, что мы все-таки обратились когда-то от тьмы в чудный Божий свет. Именно это явилось основой всех чудес и действия благодати Божией.</p>	<p>Скорее всего, рождение, появление человека на свет, которое опять же невозможно без Бога.</p>	<p>Довериться тому, что тебя, такую, какая ты есть, Господь не только не отвергает, а ждет, чтобы доросла до того, чтобы стать другом Ему.</p>
<p>Какого чуда вы желаете больше всего?</p>	<p>Спасения во Христе Иисусе. Это действие сверхъестественной благодати Божией делает нас, грешных людей, причастниками вечной жизни со Христом.</p>	<p>Я не могу сейчас сказать. Я знаю, что если буду просить, то дастся, а как дастся – может быть, это будет чудесным образом, а может, нет.</p>	<p>Стать другом, соратником Божиим.</p>

БЕЗ ЧЕГО НЕВОЗМОЖНО ЧУДО?

Анкета «Лампады»

<p><i>Наталья, 23 года, медсестра</i></p>	<p><i>Елена Михайловна Леонтьева, 92 года</i></p>	<p><i>Галина Васильевна Ананьина, сопредседатель Союза православных женщин России</i></p>	<p><i>Игорь Михайлович Друзь, председатель Народного собора Украины</i></p>
			
<p>Я бы сказала, что это норма жизни.</p>	<p>Явление, которое трудно объяснить.</p>	<p>У меня даже определения нет, потому что я не знаю, что это такое.</p>	<p>Чудо – это все, что происходит в мире, все, что происходит с нами, потому что само создание жизни на земле без Бога было бы невозможно. Это уже чудо.</p>
<p>Без веры невозможно, потому что даже если случится – без веры не увидишь.</p>	<p>Наверное, без честной веры.</p>	<p>Без веры.</p>	<p>Чудо невозможно без Бога.</p>
<p>Они у меня практически каждый день случаются.</p>	<p>Нет, не случилось. А может, чудо, что я долго живу?</p>	<p>Да.</p>	<p>Да.</p>
<p>Со знаком минус точно не может быть, я себе не представляю такое.</p>	<p>Я бы воспринимала чудо как положительное явление, как радостное явление.</p>	<p>Наверное, да. Но я думаю, что это все-таки будет не чудо. Чудо должно иметь знак плюс.</p>	<p>Если происходят сверхъестественные вещи со знаком минус, это не чудеса, а Божие попущение. Люди своими грехами вызывают силы со знаком минус, но тогда это уже не чудо.</p>
<p>Я не знаю.</p>	<p>Чудо создания жизни самой, рождение человека. Больше сейчас не могу сформулировать.</p>	<p>Сама жизнь, дети.</p>	<p>Человек – самое большое чудо в жизни.</p>
<p>Я бы сказала, что Богу виднее. Я не беру на себя смелость сформулировать. Ему, точно, лучше знать.</p>	<p>Мечтаю, чтобы кончились распри в человеческом обществе.</p>	<p>Больше всего я желаю мира нашей стране. Будет мир в нашей стране – будет нормальная жизнь и будет будущее у детей.</p>	<p>Спасения людей.</p>

Протоиерей Ярослав Шипов

Рюшечки

Мы никогда друг друга не видели. Она присылала мне письма: корявым почерком, на тетрадных страницах в клетку. Сбивчиво и суетливо пыталась пересказать историю своих духовных шатаний, падений и, смею надеяться, некоторых прозрений. Там было много всего – мне оставалось только расположить события правильной чередой.

Помнила себя Евдокия с первых послевоенных лет. Просыпаясь, видела перед собой в красном углу бабушкины иконки – бабушка, стоя на коленях, молилась. Солнечный свет заливал комнату, вкусно пахло желудевыми лепешками. Теперь, в старости, она понимала, что в те времена была так близка к Богу, как никогда впоследствии.

«Я любила тогда всех людей, особенно, конечно, родных. Любила до замиранья сердца. Все любила: речку, небо, родительский дом. День начинался с бабушкиной молитвы и бабушкиной молитвой заканчивался».

А дальше женщина вспоминает, когда же это все стало уходить. Она помнит момент, как увидела на своей подружке новое платье с рюшечками. И этим рюшечкам позавидовала. А рюшечки, если кто не знает, это сборчатые полоски материи, которые пришиваются к плечикам, рукавкам, – чепуха, в общем. Потом девочка позавидовала новым коричневым туфелькам другой подружки. А через зависть в нее вошли и прочие погибельные для души страсти.

Она выросла, вышла замуж. Родила трех дочерей. Работала в сельсовете. И вся остальная ее жизнь была посвящена тому, чтобы жить не хуже других. А по возможности – и лучше. Приобретались мебельные гарнитуры, ковры, холодильники, телевизоры, магнитофоны... Когда они устаревали, их заменяли новыми. И ради этих приобретений, вспоминала Дуся, она и взятки давала, и документы подделывала, приходилось лукавить, лгать, льстить, лицемерить... А денег не доставало. Стали выращивать скот на продажу, разводили кур, уток, индеек. В этих трудах муж ее стал инвалидом. Но все у них было – не хуже. «Дом – полная чаша». Его достраивали, расширяли. Так дожила до семидесяти лет. И вдруг дом за одну ночь сгорел. Дотла.

Все село помогало тушить. Никакого имущества спасти не удалось. Успели только выпустить из сараев

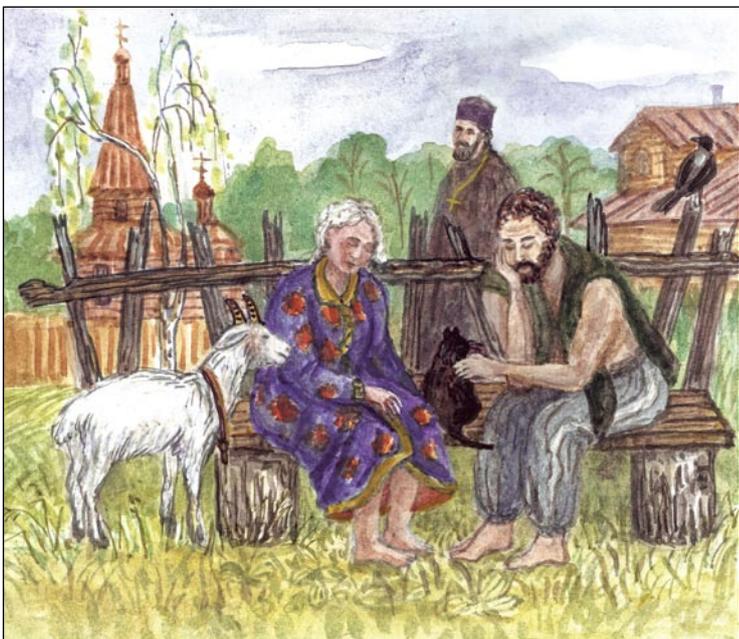
живность. Сами на улицу выбежали – она в халате, босиком, а он в тренировочных штаниках.

И вот утром супруги сидят на скамеечке напротив пожарища. Рядом с ними кот. Корова пришла и коза. А остальные – разлетелись и разбежались. И тут ветерок донес слабый запах желудевых лепешек: за огородами была дубовая роща, и, вероятно, желуди попали в огонь. Это был запах из детства...

А мимо шел батюшка в храм – готовится к службе. Он тоже всю ночь помогал тушить пожар. Евдокия за ним увязалась, пришла босиком в церковь. Батюшка занимался своими делами, а потом спрашивает: «Тебе чего?». Она подумала, подумала и сказала: «Поблагодарить Бога». Дуся боялась, что священник решит, будто она с ума сошла. А он спокойно и понимающе кивнул: «Отслужим благодарственный молебен».

Вышла она после молебна на улицу. И стало ей легко-легко. Взрослые спешили на работу, дети – в школу. «Как же я люблю этих людей!» – осенило вдруг Евдокию. Между тем еще вчера она едва ли не со всеми была в раздорах.

Соседи пригласили попить чайку. Сидят они с мужем за столом, и вдруг заходит землячка, которая давно переселилась в город. А в селе у нее был родительский дом. И он пустовал, потому что родители умерли. Кто-то сообщил ей о пожаре по телефону, и она сразу примчалась на большом красивом автомобиле.

Говорит: «Идите, живите в этом доме! Вот ключи. А чтобы не было недоразумений, давайте я вам его сейчас продам за символическую цену! Мне он, честно, совсем без надобности». Супруги возразили: «У нас денег несколько нет, даже символических». Но все же пошли в администрацию. А там уже приготовлена материальная помощь: «Получите и распишитесь!»

Открыли хату, и оказалось, что она очень похожа на ту, в которой Дуся провела детство. Даже иконы – словно бабушкины. И женщине стало радостно.

Тут начали приходиться соседи, приносить еду, одежду. Возвращать кур, уток, индюшек. Но Евдокия сказала: «Куда улетели, там пусть и живут». Оставили козу – для молочного пропитания, а корову в тот же день и продали. Так и обустроились.

Внучки у Евдокии – взрослые девушки. Живут в городах, учатся. И вот она пишет: «Увижу по телевизору шубку какую-нибудь, думаю: “Надо, чтобы и у моей внучки такая была!” И тут же словно токком: “Опять рюшечки!”. Этим пожаром мне указание было дано, чтобы я поняла свою жизнь. Он для меня – специальный. Шифер ведь от пламени взрывался и разлетался, соседские дворы были усыпаны этим шифером, но ни у кого ничего не загорелось. Так что это мне – указание, мне – знак. Как же я благодарна Богу, что никто больше не пострадал! Из-за меня и моих рюшечек».

Рисунок Аси Шеваровой

Средние Апочки: третий век начинается!

Попята Русины: наблюдательный совет по возрождению храма

От имени всего нашего прихода благодарю всех, кто откликнулся на призыв о помощи и внес свою лепту в восстановление храма святого Димитрия Солунского в Средних Апочках. Храм-то у нас большой, а приход – не очень. В прошлом году к двухсотлетию юбилею церкви мы отремонтировали центральный купол, частично фасад, вставили четыре окна. На это ушли все средства, которые удалось собрать на местном уровне. Значительная сумма поступила на счет храма благодаря депутату Курской облдумы Владимиру Харину. Однако все это было в 2011 году.

В этом году мы не надеялись и начать строительный сезон, но Господь не дал нам отчаяться. Честно говоря, я не рассчитывал на отклик: где Москва, а где Средние Апочки! И тут – нечаянная радость. Доброхоты, которых позвала «Лампада»*, отыскались в Мос-

кве (рабы Божии Валентина и Ирина) и в республике Марий Эл (раба Божия Раиса). Последняя даже собиралась приехать к нам лично, но, внимательно изучив карту, пока ограничилась почтовым переводом, который почти равнялся прошлогодней депутатской помощи. Наша далекая благотворительница пообещала участвовать и в дальнейшем восстановлении храма до победного конца.

Отдельная благодарность редакции журнала с пожеланием в далеком будущем и «Лампаде» двухсотлетнего юбилея.

*Священник Владимир Русин,
настоятель Дмитриевского
храма в с. Средние Апочки
и Покровского храма
в с. Кунье (Курская область)*

**Банковские реквизиты: Местная религиозная организация Православный Приход Дмитриевского храма с. Средние Апочки Горшеченского района Курской области Курской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) р/сч 40703810733100000177 в Доп. офисе № 1602/075 Щигровского ОСБ № 1602 ИНН 4604005312 БИК 043807606 КПП 460401001 ОКАТО 38206551000 К/с 30301810300000000606 Банк получателя Курское ОСБ № 8596 г. Курск.
Адрес храма: 306844, Курская область, Горшеченский район, с. Средние Апочки. Настоятель – иерей Владимир Русин.
Подробная информация на сайте www.apochki.prihod.ru
По вопросу сотрудничества можно обращаться: 8-915-567-27-31 или rusinvm@yandex.ru**

* См. «Ужели второй век – последний?!» // «Лампада» № 1, 2012

Юрий Снегирев

Берег спасения

Церковная служба сменила военную, и что из этого вышло

– Там тоже готовят моряков, – объяснял свое решение будущий офицер.

Но судьба опять отбросила его от моря. Направление после окончания училища – опять в Южную группу войск. Под Будапешт. Служба работников тыла на первый взгляд кажется манной небесной. Знай себе распределяй тушенку и сахар. На молодом лейтенанте «висел» целый полк. По свидетельству сослуживцев, солдаты были обуты, одеты, а по воскресеньям на столах стояли домашние блины с джемом. Кто служил в Советской Армии, знает, что это звучит фантастично.

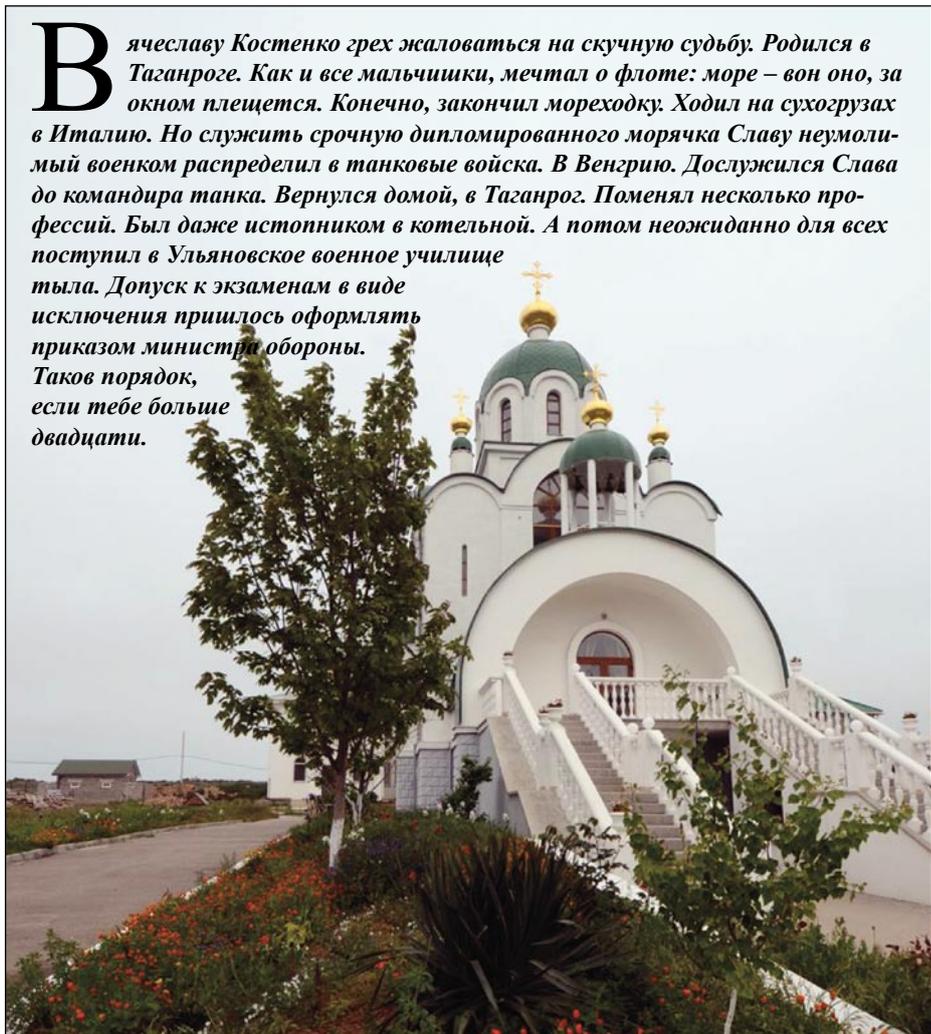
ОВЕРКИЛЬ ДЛЯ ОФИЦЕРА

В 1989-м Вячеслав Костенко ушел вместе с нашей армией из Венгрии. Тогда газеты часто писали о несметных богатствах, вывезенных из Германии, Чехословакии, Венгрии. Под шумок офицеры-тыловики разбазаривали военную технику и возвращались на родину Гарун-аль-Рашидами. Можно было и службу бросить. И даже не работать. Но Костенко переводится в Одесский военный округ и пытается наладить быт пехоты по венгерскому образцу.

– У нас были сформированы так называемые целинные батальоны, – говорит мне Вячеслав Костенко. – Мы выехали на целину, чтобы помочь колхозникам в битве за урожай. Едем на точку с продуктами. Дороги не знаем. Сказали, что там после развилки церковь будет. Ее и держаться. А погода – дождь да туман. Чувствуем – пропадем. До жилья двести километров. И тут я в первый раз поприслал Господа: помоги! В ту же секунду тучи разверзлись, появился луч солнца, и я увидел храм. А водитель его не увидел. Не верил он в Господа. Тогда я понял: это был знак. И принял решение.

Мы разговариваем с отцом Вячеславом в построенном им храме. За окном – полигон морской пехоты и Черное море. Идут учения, и наш неспешный разговор перекрывают лязганье военной техники и стрельба. Храм Святого Филиппа стоит на границе полигона и войсковой части морпехов.

Вячеславу Костенко грех жаловаться на скучную судьбу. Родился в Таганроге. Как и все мальчишки, мечтал о флоте: море – вон оно, за окном плещется. Конечно, закончил мореходку. Ходил на сухогрузах в Италию. Но служить срочную дипломированного морячка Славу неумолимый военком распределил в танковые войска. В Венгрию. Дослужился Слава до командира танка. Вернулся домой, в Таганрог. Поменял несколько профессий. Был даже истопником в котельной. А потом неожиданно для всех поступил в Ульяновское военное училище тыла. Допуск к экзаменам в виде исключения пришлось оформлять приказом министра обороны. Таков порядок, если тебе больше двадцати.

Я смотрю на улыбчивое лицо батюшки, в его лучистые глаза. И наконец-то решаюсь спросить в лоб:

– Не могу понять: в 38 лет, без пяти минут генерал – и в попы! Жена, вместо того чтобы стать генеральшей, в один миг становится простой матушкой. Дочь враз отказывается от мини-юбок, а сын – от бесовских игр в Интернете? Разве такое бывает?

– И родные этого не могли понять, – тихо произносит батюшка. – Семья тоже не сразу приняла мое решение. Даже сослуживцы крутили пальцем у виска. Но я твердо верил и знал, что вот мое предназначение! – и отец Вячеслав вскидывает руки, показывая на храм, воскресную школу, дом для причта и будущий детский приют...

То, что произошло с офицером Костенко, моряки называют «оверкиль».

Плыл-плыл корабль своим курсом, и тут бац – переворачивается днищем вверх. Это происходит, когда палуба перегружена. Не мне судить, чем была перегружена жизнь Вячеслава Костенко. Так или иначе, все прежнее и ненужное полетело за борт и для него началась новая жизнь.

КАК ПАСТВА КОРАБЛЬ СПАСЛА

– Я подал рапорт об увольнении, – продолжает свой рассказ бывший офицер. – Должность у меня была о-го-го! На меня замыкалось восемь крупных служб. Вы представляете, что такое начальник тыла в Севастополе? Но на все воля Божия. После увольнения Господь послал мне еще одно испытание. Безденежье. Иногда не хватало на хлеб. Жена, конечно, была недовольна (батюшка улыбается). Но мы выстояли.

Я поехал в Троице-Сергиеву лавру. Старец Наум меня принял. И определил мой дальнейший путь – «Выдержишь все. Господь поможет!»

– Что вы закончили, чтобы служить в Церкви? – спрашиваю батюшку.

– Для того чтобы служить Богу, не надо ничего заканчивать. Чтобы стать священником, надо благословение Патриаршее получить. И я его получил. Рукоположил меня в сан в Николо-Шартомском мужском монастыре под Шуей архиепископ Амвросий. Это я потом закончил и семинарию, и Духовную академию. А тогда мне определили местом службы Севастополь. Но храма-то этого не было. И я начал с нуля. Было это в 2000 году.

– Знаете, на новых храмах есть благодарственные таблички – кто помогал деньгами. На вашем есть такая?

– Нет. Но если бы и была, то можно смело написать: храм помогал строить весь русский народ. Куда я только не обращался, с кем не беседовал, кого не просил! Олигархи не услышали моих просьб. Даже тогдашний мэр Москвы, Юрий Михайлович Лужков, как-то холодно отнесся к этой идее. Зато один богатый человек из Алма-Аты пожертвовал крупную сумму, но при условии, что я сам должен приехать за деньгами. А простые люди? Все-все несли свои копейки. Разве это не чудо?

Храм действительно красив. Белоснежные стены, маленький палисадничек. Даже автомобильная стоянка для прихожан.

На паперти я разговорился с прихожанкой Верой Гавриленко.

– На чьи деньги храм построен? – спрашиваю женщину в платочке.

– Так отец Вячеслав все сбережения свои отдал на строительство. Только он об этом не говорит. И потом, глядя на его пример, мы все кружку пустили. Храм строился десять лет. И сейчас строится. Воскресная школа работает. У нас 80 детишек учатся. Этой зимой нашли в Москве спонсора – он пригласил детишек на елку в Кремль. Представляете, у нас 20 градусов тепла, а у вас, в Москве, 20 мороза. В снежки дети играли. Подарки от Деда Мороза получили. И ничего бы этого не было, если бы не отец Вячеслав.

– А расскажи, как мы корабль в море спасли! – вмешивается в наш разговор другая прихожанка, София Александрова. И тут же начинает сама: – Тогда шторм был в Индийском океане. Сухо-

«Слушай мою команду!» Ни язык богослужения это можно перевести, как «Во-оннем!»

груз стал тонуть. А на судне наши севастопольские морячки шли. Тут отец Вячеслав выходит на амвон и говорит: братья и сестры, беда! Давайте помолимся за спасение судна! И мы пять суток молились. И жены морячков. И мы, сухопутные. У судна крен был 40 градусов! В шторм это верная погибель. Но судно до порта дошло. Все живы и здоровы!

– Давай расскажем про Аполлинарушку нашу, – продолжает первая прихожанка. – На эти майские преставилась она. Участница трех войн: финской, Отечественной и японской. Служила медсестрой на переднем крае. Пять орденов у нее было. Это мы узнали, только когда хоронили ее. К ней еще один генерал приезжал по фамилии Воробьев. Несколько раз. Говорил, что жизнью обязан Аполлинарушке нашей. Вытащила она его раненого из-под немецкого огня. Генерал влюбился в нее без памяти. Нашел после войны. За муж звал. А она решила служить Богу. Так девственницей и преставилась. За благочестие ее митрополит грамотой наградил. А ее последние слова были: «Опередил владыка с грамотой! Думала получить награду в Царствии Небесном». Вот это была женщина! Шулева Аполлинария Федоровна ее звали. Жив ли тот генерал – не знаем. Если прочтет – пусть помянет ее.

Встретился я с еще одним прихожанином. Восьмидесятилетний Юрий Венжин совсем не выглядит на свои годы. Настоящий морской волк, капитан дальнего плавания, был представлен к звезде Героя Соцтруда. Но Союз

развалился. В Кремль для вручения награды его так и не пригласили. Он дружил с отцом Вячеславом, когда тот был еще офицером. Дружит и сейчас.

– Вы понимаете, у нашего батюшки особая закваска, – говорит Юрий Евгеньевич. – Настоящая морская душа. Когда флот делился на две части – у него не было и тени сомнения, с кем остаться. А ведь его так украинцы заманивали. Помните, как в фильме «72 метра»? И когда он принял сан священника, ни на минуту не сомневался, что поступает по совести, хотя тогда ему светили генеральские звезды. Этот храм – один из форпостов России в Крыму.

– Но ведь с уходом «оранжевой» власти вроде поспокойнее жить стало, – возражаю я.

– Это как сказать. Лужков ушел, и русским языком никто здесь больше не занимается. Севастопольские кинотеатры всю штрафуют за прокат фильмов на «москальской мове». Татарское население Крыма заселило все ключевые районы. Естественно, самозахватом. На земли, где наши коммуникации проложены, уже предъявляют права репатрианты. А это угрожает безопасности России. Отец Вячеслав – один из тех, на кого опирается флот. Именно наш российский Черноморский флот.

Звонко ударили колокола, зазывая на службу. В закатном свете солнца ярко сияли купола храма Святителя Филиппа над Казачьей бухтой – как маяк для моряков и для заблудших душ.

Севастополь

Открой двери своего храма

Известно: священнослужитель – это не профессия. Скорее, призвание посвятить себя святому, доброму, вечному. В душе каждого есть храм. А когда же открываются двери нашего внутреннего храма? У каждого в разное время жизни.

Мировая статистика утверждает, что большинство людей зарабатывает на хлеб не той профессией, о которой мечтали в детстве или учились пять-шесть лет в университетах. Гении, конечно, исключение. Моцарт написал и сыграл свое первое сочинение в пять лет. А наш Пушкин писал в лицее такие стихи, что мы восхищаемся ими и сегодня.

*Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира;
О нет! недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!*

Откуда у пятнадцатилетнего лицейского шалуна такое предчувствие великого? Оттуда. С Неба.

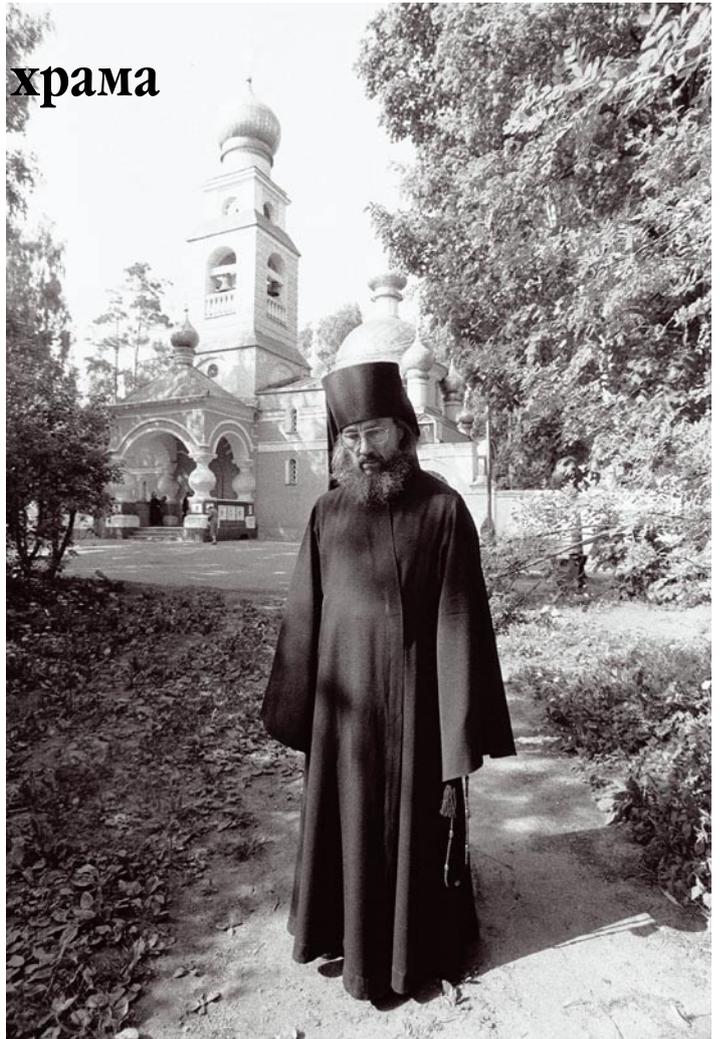
Каждый из нас, созданный по образу и подобию Божию, многогранно и многократно талантлив. Таланты спят внутри нас и ждут лишь зова, востребованности. Или просто случая? Один наш поэт заметил: «Нас

всех подстерегает случай». Другой – как будто ответил ему: «А чем случайней, тем верней». Рискну не согласиться: случайного не бывает; не о ж и д а н н о е – да.

Среди моих знакомых есть несколько известных журналистов, которые оставили свои прежние профессии и стали священнослужителями. Один из них – отец Иоанн (в миру – Олег Владимирович Макаров).

Он был очень успешным фотожурналистом московского Агентства печати «Новости». Его работы получали награды на мировых фотовыставках. Их печатали самые известные газеты и журналы. Его любимыми темами были дирижеры, солисты, фестивали православной музыки. Портреты Святослава Рихтера, снятые им в семидесятые годы прошлого века, вот уже тридцать лет украшают фестиваль «Декабрьские вечера» в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина.

Святослав Теофилович, как известно, не жаловал журналистов. Особенно фотокорреспондентов. На одной из пресс-конференций он заметил, что невозможно выразить словами и снимками то, что композитору продиктовано свыше. По его мнению, вся классическая музыка – неизре-

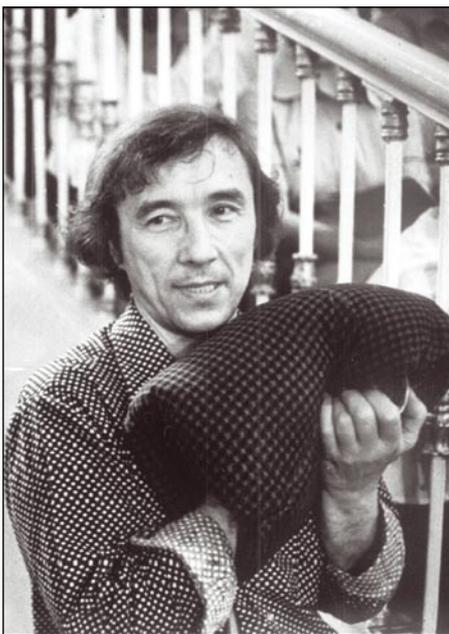
Отец Иоанн Макаров

Фото Анвара Галеева

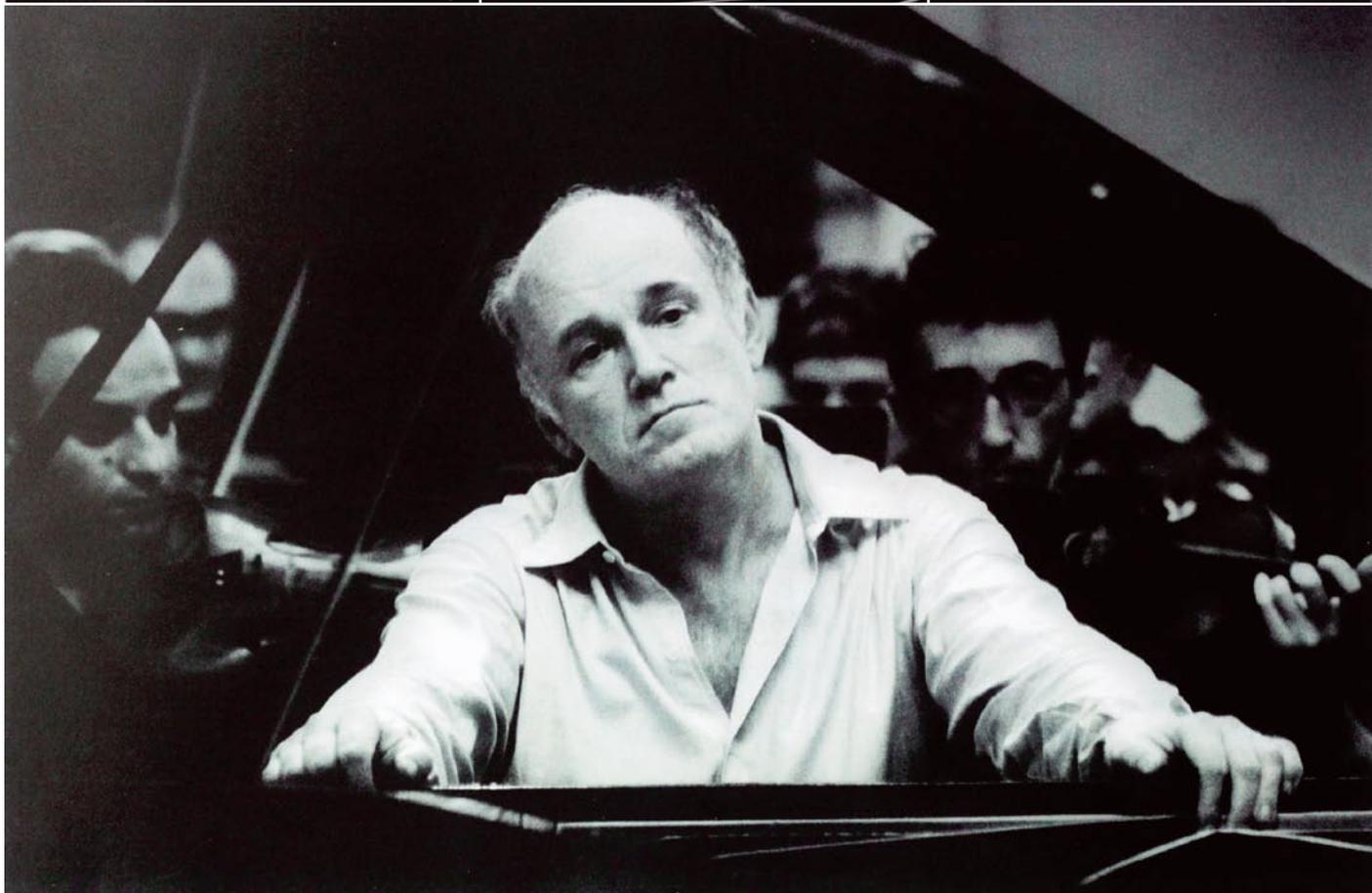
ченна. Однако Олегу удалось найти компромисс с великим музыкантом и попытаться выразить его мысли, чувства и звуки в образах. А мы, простые зрители, вспомнили и почти слышали музыку Рихтера, глядя на великолепную фотосерию Олега Макарова.

Но договориться с Рихтером все же было намного проще, чем с другим великим музыкантом – дирижером Гербертом фон Караяном. Тот во время гастролей с Миланским театром оперы в Москве категорически запретил всякие съемки не только своих концертов, но даже репетиций. Пришлось Олегу искать нестандартное решение. И оно нашлось! Почти в поднебесье!

Олег Макаров был уже известен как фотограф, постоянно снимающий в Большом зале Консерватории. Он упросил органного мастера разрешить ему за час до концерта подняться на небольшую площадку над органом и под потолком зала в неудобной позе

Олег Макаров со своим изобретением
Фото Виктора Ахломова

Отец Иоанн и сегодня считает эти фотографии своими лучшими работами

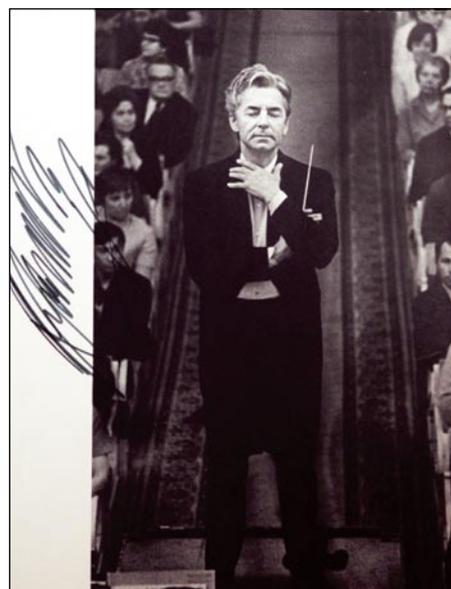
устроился с тяжелой фототехникой. К тому же, надо отметить, Макаров первым из нас, его коллег, сшил самодельную подушку из ваты и поролона, куда засовывал шумящую фотокамеру. Вот с таким оборудованием, и в очень тесном помещении, и в неудобной позе он затаился под пыльным и душным потолком зала Московской консерватории. В ожидании, пока строптивый дирижер выйдет на середину сцены. И Караян вышел...

Видимо, по традиции, он в молитвенной позе скрестил на груди руки с дирижерской палочкой и на минуту застыл, подняв глаза вверх. Возмож-

но, прося у Бога вдохновения. Олег был давно готов. Нажал на курок фотокамеры в звуконепроницаемом мешке. И попал в цель!

Позже понравившийся дирижеру снимок был отмечен многими международными наградами. Этот творческий успех случился в середине прошлого века. Сегодня отец Иоанн служит в одном из московских храмов. Иногда возвращается к любимой фотографии. И обещает скоро устроить творческую выставку.

*Виктор Ахломов,
фотокорреспондент «ИЗВЕСТИЙ»
с марта 1960 года*

И Родина, и поэзия – всё Бобришный Угор

В 1910 году в далеком вологодском селе Пермас был построен храм в честь Воздвижения Креста Господня. А спустя два года с печатного станка Московской синодальной типографии сошло Евангелие, которому предстояло стать поистине уникальным. Казалось бы, что общего между этими двумя событиями? И тем не менее...

Мой отец, русский поэт и прозаик Александр Яшин (1914–1968), по его завещанию, похоронен в десяти километрах от Пермаса, рядом со своей деревней: место называется Бобришный Угор. Здесь он построил себе небольшой охотничий домик: «Бобришным Угором я сейчас называю не только облюбванное место в лесу над рекой, где теперь стоит мой охотничий дом, но уже и деревню Блудново, в которой я родился, и район, и город, где началась моя сознательная жизнь, и вообще Родину. Вся Родина моя – Бобришный Угор. Поэзия – тоже он. Завершение моей жизни на Бобришном Угоре», – писал он в дневнике. Несли его туда на руках, на расшитых полотенцах, все собравшиеся окольные деревни два километра по полю ржи, лесом, на высокий берег Юг-реки, где поэт хотел жить в уединении и работать. Вологодский архиепископ Максимилиан так и называет это редкой красоты место: *пустынька*.

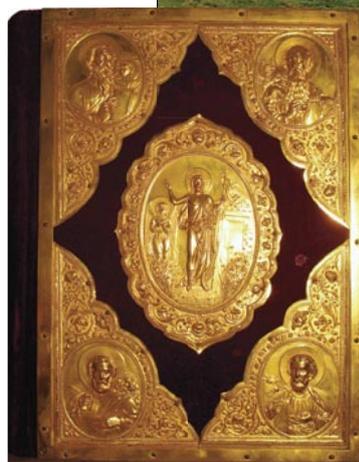
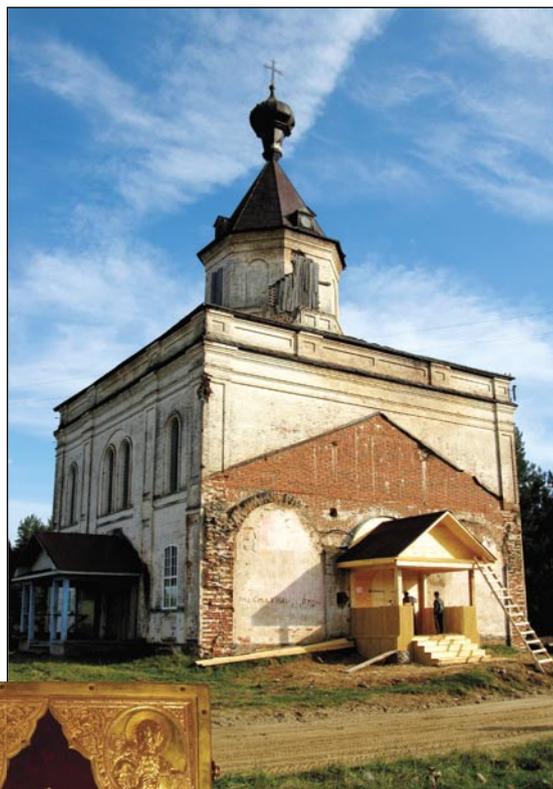
А в Крестовоздвиженском храме Пермаса Александр Яшин¹ был крещен. Здесь его прадед по мужской линии, Михаил Ефимович Попов, за-

¹ Яшин – это псевдоним, по имени рано погибшего на войне отца писателя – Якова.

нимал выборную должность председателя церковно-приходского совета, а дед – Михаил Михайлович Попов – был представителем прихожан в церковном попечительстве. Рядом с храмом, расположенным за рекой Юг, находится старинное кладбище, на котором покоятся наши бабушка и прадеды. Дальше – лес. Пермасская церковь видна со всех точек села, расположенного на двух берегах реки Юг, через которую жители и школьники переходят по деревянному висячему мосту.

Как водится, в советское время в храме разместили клуб. «Но храм оставленный – все храм...»

В этом районе во время советской власти не было действующих храмов. Редко кто ездил в Великий Устюг при-

частиться – но это более двухсот километров от районного центра – города Никольска. А от Пермаса еще дальше. Молились, как жители говорили, могильным крестам. Собирались по избам на молитвы. Бабушки крестили детей. Проливали молитвы свои ко Господу... Но уже почти ушло то поколение, которое еще знало действующую церковь.

Церковь видна со всех точек села, расположенного на обоих берегах

В 90-е годы я привезла с собой крещенской воды, чтобы окропить могилу отца, и тетя наша попросила: «Мне-то оставь немного воды, а то у меня еще довоенная». Сколько же лет она ее разбавляла...

И Александр Яшин в своем творчестве не однажды обращался за помощью к Божией Матери. Напечатать это удалось уже только после его кончины:

*Матерь Божья, не обессудь:
По церквам я Тебя не славлю,
И теперь, взмолившись,
Ничуть
Не юродствую, не лукавлю. (...)
Дай мне выбиться из тупика,
Из распутья, из бездорожья...
Раз никто не помог пока,
Помоги хоть Ты, Матерь Божья.*

В подобном тупике находятся и многие жители русских сел и деревень, правильнее будет сказать: остатки их. В тупике многопричинном, многоразличном, но главное – духовном.

Начали восстанавливать храм учителя вместе с другими жителями. Понимали: если в школу будешь ходить раз в год, то ничему не научишься; так же и с храмом – за тридцать километров не наездишься... Но дальше, видя, что самим не справиться с таким объемом работ, приуныли. Доход от полустарушечьего прихода почти никакой. Люди живут трудно. Многие не имеют работы. Поля давно не засеяны... Но *малое стадо* – человеческое – есть. Все, как говорится, веруют в душе. В магазине висит копилка, куда взрослые и дети опускают копеечки. Сами понимаете, это слезы. Даже приходом особо не назовешь этот приход, так как больше года никак не оформить бумаги, чтобы приписаться к районному храму Казанской Божьей Матери. Он в тридцати километрах от Пермаса. Когда решили возродить здешний храм, священник несколько раз приезжал из райцентра. Дважды на храмовый праздник, раз на Пасху. Прошлым летом окрестил пятнадцать человек. И то не полным чином, так как алтарь не освящен. А как дальше воцерковлять людей? А как службы?

Надо сказать, почти все самое важное из церковной утвари закуплено. Помогает нашему храму московский магазин

Каков приход – таков и доход...

«Православное слово», что на Пятницкой улице. У моей сестры на работе в Институте им. Склифосовского стоит кружка, куда ее коллеги – сестры, фельдшера, врачи – кладут понемногу свою лепту на этот незнакомый им далекий храм в вологодской глубинке. Это почти в двухстах километрах от железной дороги и в стороне от основного тракта. Но люди там живут. Все с крестиками, почти во всех домах есть иконы. Но все отучены от храма – время свое дело делает. В душе – все хотят, чтобы храм был, все почитают Бога, как понимают. Собирали мы и по всем своим московским знакомым, кто сколько мог, давал. Одна женщина, с которой я познакомилась в «Православной книге», несколько раз очень приличные суммы жертвовала. Но уже больше неудобно приставать – олигархов у нас нет, все обычные служащие-работяги. Кто сколько мог, уже дали, отрывая от себя. А на улицу с рукой тоже боязно выходить... Говорят, опасно, – там все сферы сбора милостыни поделены.

Но Господь заботится и о нашем храме необычным образом, сделав его сопричастным удивительному и важному событию: возвращению в Россию особого Евангелия.

Звонит как-то наша близкая знакомая, живущая в Париже, – Ольга Евгеньевна Ефимовская. Она дочь эмигрантов первой волны, известных в свое время журналиста и певицы – Евгения

и Зои Ефимовских. Сама Ольга Евгеньевна родилась уже на чужбине, но говорит по-русски свободно, как на родном языке. Ее всегда тянет в Россию и интересуется все, что здесь происходит. Когда она приехала к нам в первый раз, то главное, что увезла с собой, это освященную землю – для отпевания. И просто русскую землю. В Париже она разделила ее среди таких же, как она, русских. И когда кто умирал, частицу его Родины – России – клали ему в гроб.

Так вот, в этом нашем разговоре она вдруг восклицает: «Ой, я вспомнила: у меня ведь есть на престольное Евангелие и Крест. Их подарил моему папе болгарский Синод в Софии после аудиенции у болгарского царя в 1919 году. Я давно хотела, чтобы оно было в России». – «Так давайте его сюда. Узнаю, когда наш отец Георгий поедет к родственникам, и попрошу привезти. Священника на таможне пропустят».

И вот оно, лежит в коробке почти столетней давности, в обложке темно-красного бархата с металлической резьбой, барельефами Спасителя и четырех Евангелистов. Издание 1904 года. Книга в отличной сохранности. Обрез такой, словно его только что позолотили. В конверте записка от Ольги Евгеньевны:

Прилагаемое Евангелие и Крест были преподнесены болгарским Синодом Евгению Амвросиевичу (моему отцу) по случаю его поездки с русской миссией по славянским странам

Даже в толковых словарях нет женской формы слова «пономарь». А в Пермесе – есть...

в 1919 г. и аудиенции у болгарского короля Бориса.

К этой записке прикреплена другая, сильно пожелтевшая:

ОХРИДСКИ МИТРОПОЛИТЪ БОРИСЪ молитвенно желает Евгению Амвросиевичу счастливаго пути и скорого свиданія в Софїи и почтительнѣйше проситъ передать братскій привѣтъ преосвященнымъ Архіереямъ Досифею, Сергію и Николаю (Велемировичу) и всѣм прочим.

Какие имена, какой круг священства, и среди них святитель Николай Сербскій! Прямо дух захватывает.

Я думала: как везти такую драгоценность в далекий лесной неохраняемый храм? Советовалась. Кто-то предлагал отдать на сохранение, «до лучших времен», кто-то – продать, а деньги потратить на нужды храма. Совсем как в евангельской притче о народном масле. А один батюшка посоветовал: «Подарите-ка Евангелие Патриарху! Поможет». Сначала у меня все возликовало в душе, но тут же родились новые сомнения: «Меня и не допустят к Святейшему, может, к его секретарю какому-нибудь... Да окружение и не доведет до него... “Закопают” куда-нибудь, забудут, не оценят... Он и не узнает. И никакой, даже маленькой помощи мы не получим. Скажут: оставьте, мы посмотрим, а потом скажут: а кто вы такая? Какое Евангелие?..» – «Ну и пусть не помогут, а Бог-то?» – уверенно сказал батюшка. И мне стало весело в тот момент: дарить всегда

лучше, чем продавать, хотя нам так нужны средства на храм. Да даже на то, чтобы купить Евангелие вместо этого. А вдруг прав батюшка?.. С другой стороны, как узнать, может, Господь и послал нам это Евангелие, чтобы как раз передать его в верные, понимающие его истинное значение руки. Господи, вразуми! Так и продолжаю пребывать в раздумьях и колебаниях...

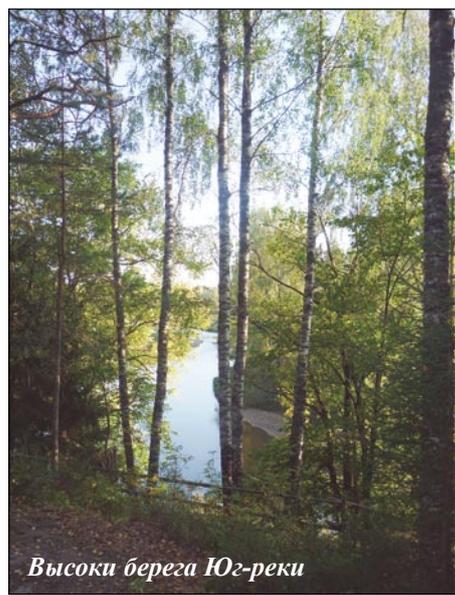
Недавно мне сообщили, что к предстоящему столетию со дня рождения Александра Яшина в Вологде выделили на ремонт бывшего никольского педтехникума более двенадцати миллионов рублей. Учительница из Пермаса попросила на оргкомитете помочь восстановить церковь в Пермесе, но ее не поддержали. Сколько раз собирала по рабочим местам никольская администрация деньги на восстановление Сретенского собора еще в девяностые годы прошлого столетия!.. И мама наша специально присылала свою пенсию для этого. Куда все делось?.. Главное, что ничего не было предпринято. И собор, неухоженный, никем не охраняемый, сгорел в прямом смысле на глазах отдела культуры, потому что его окна как раз выходят прямо на храм. Расходы теперь на него приходится нести впустую: как день города – ярмарка, надо покупать краску и закрашивать забытые фанерой окна обезглавленного храма-мученика. Но скоро и это прекратится, так как жители города обнаружили в стене его со стороны реки страшные сквозные трещины. Лицо го-

Банковские реквизиты

Счет для помощи Пермаскому Крестовоздвиженскому храму:
 Филиал ОАО «Сбербанк России»
 Великоустюгское отделение №151
 ИНН 7707083893
 КПП 352631001
 Транзитный счет
 30301810512006001229
 БИК 041909644
 кор.счет 30101810900000000644
 Вологодское отделение № 8638
 г. Вологда
 ОГРН 102770132195
 р/с 40703810512290000323

рода, его неповторимый облик может быть навсегда утрачен. Зато теперь на дисках о Никольске, на тарелочках, везде, где можно, как визитную карточку города, помещают фотографии прежнего Собора с главками, правда, без Креста, но с веселыми, целыми окнами... Жалко! Но ведь неопровержимый факт, что самые красивые и самые необходимые в русских городах и селах здания – это храмы, они держат все внешнее пространство окружающего нас мира и главное – внутреннее пространство нас самих, нашей жизни. Надо восстановить церковь в Пермесе. Мы верим: Господь поможет нам! Вот только когда и через кого?..

*Наталья Александровна
 Попова-Яшина*

Высоки берега Юг-реки

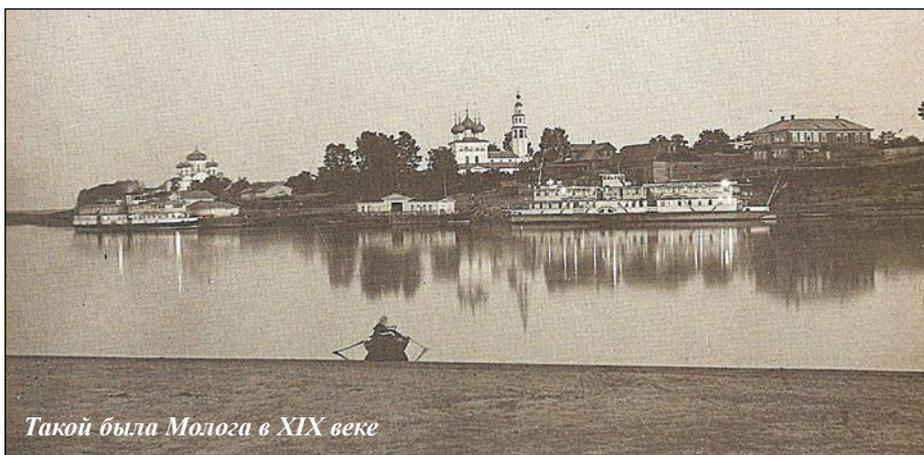

Дмитрий Шеваров

В 1990 году из эмиграции вернулся поэт Юрий Кублановский. Приехал на родину, в Рыбинск. Кто-то подал ему общую тетрадку с рукописью Павла Ивановича Зайцева. Имя это ничего не говорило поэту. Юрий Михайлович вспоминает: «Избалованный литератор, отвыкший от рукописных текстов, я долго не мог приняться

за ее чтение. А ведь мы могли бы повидаться: Зайцев скончался в 1992 году. Скоро двадцать лет этой истории, а я все жалею и сетую на свою суетность, разгильдяйство. Со сколькими мелкотравчатыми, не нужными мне людьми общаться приходилось по жизни, а настоящего человека, земляка и самобытного самородка упустил...»

«За поруганной поймой Мологи...»

Такой была Молога в XIX веке

Павел Иванович Зайцев родился в 1919 году на хуторе Ножевском Мологского уезда Ярославской области. В 1939 году был призван в армию, служил на Дальнем Востоке. В конце 1941 года получил письмо от отца: «Нашей родной земелюшки у реки Мологи уже нету, ее всю затопили водой». Навсегда исчезли 540 деревень и хуторов, десятки больших сел, храмы и монастыри и город Молога. Было затоплено около двух тысяч квадратных километров сказочно богатой земли, которая в войну могла бы накормить десятки, если не сотни тысяч людей.

Мологжане-преселенцы, не успев толком устроиться на новых местах, уходили на фронт. Ушел на фронт и вскоре погиб отец Павла Зайцева.

В августе 1942 года воинов-дальневосточников перебросили под Сталинград. Со своим минометным батальоном Павел Зайцев дошел до Германии. В 1946 году демобилизовался в звании старшины. Стал работать в Рыбинске на моторостроительном заводе. Тридцать три года собирал реактивные двигатели для самолетов.

Главы из заветной зайцевской тетрадки впервые увидели свет в 1994 году, в «Новом мире». Тогдашний редактор журнала Сергей Залыгин назвал публикацию «Записки пойменного жителя». В ту пору эти записки оценили немногие. Из подполья выходили легендарные произведения Пастернака, Ахматовой, Платонова, Домбровского, Солженицына...

Кстати, Александр Исаевич заметил в журнале публикацию никому неизвестного автора и высоко ее оценил.

Прошло еще семнадцать лет, и вот передо мной книга с тем же названием. Рукопись Павла Зайцева наконец-то вышла полностью*. Благодаря Юрию Кублановскому и главе города Рыбинска книга издана красиво и строго. Теперь совершенно очевидно, что в русскую литературу вписано новое имя и новое произведение. Классическое по слогу и мысли. По мастерскому воссозданию в слове цельного и прекрасного мира со всеми красками и запахами.

Традиционны для русской словесности и идущие еще от древнерусских летописей искренности застенчивость и смирение автора. В предисловии к своим запискам фронтовик Павел Зайцев прямодушно говорит: «Природа не наградила меня даром к сочинительству, и я ничего досель в литературном плане не написал. А вот то, что видел своими глазами, я, мологжанин, могу описать до мельчайших подробностей. Мне не довелось закончить ни одного сколько-нибудь серьезного учебного заведения. Писать по литературным правилам я не умею...»

Очень вовремя приходит к читателю трепетная и суровая проза Павла Зайцева.

* Павел Зайцев. *Записки пойменного жителя*. Рыбинск, Медиарост, 2011. Тираж 1 тыс. экз., 205 стр.

НАЧАЛЬНИКУ ВОЛГОСТРОЯ 2
ВОЛГОЛАГА НКВД СССР
МАЙОРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ТОВ. КУРИНУ

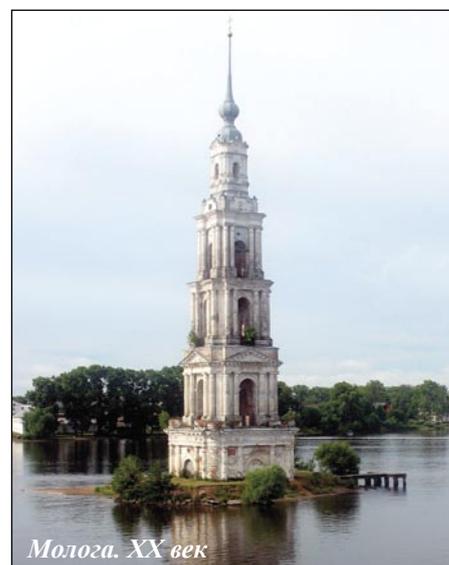
РАПОРТ.

В дополнение к ранее поданному мною рапорта докладываю, что граждан добровольно пожелавших уйти из жизни со своим скарбом при наполнении водохранилища составляет 294 человека. <...> таким образом общее количество погибших граждан при затоплении города Мологи и селений одноименного района осталось прежним 294 человека.

Среди них были те, кто накрепко прикрепляли себя замками преварительно обмотав себя к глухим предметам.

К некоторым из них были применены методы силового воздействия, согласно инструкции НКВД СССР.

НАЧАЛЬНИК МОЛОГСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ ЛАГПУНКТА ВОЛГОЛАГА
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
/СКЛЯРОВ/

Молога. XX век

Дмитрий Шеваров

С ВЫСОТЫ ПОЛЕТА ЧАЙКИ

Ветхая книга отзывов на журнальном столике – такая же рутинная примета провинциального музея, как старушка-смотрительница и сонная тишина. И кто из нас, покидая Мышкин или Касимов, Тотму или Углич, Плес или Калязин, не спешит вписать несколько добрых слов в эти наивные амбарные книги? После компьютерных мониторов они кажутся чем-то навек ушедшим...

Но вот оказывается: книги отзывов – бесценный исторический источник. Они помогают следующим поколениям понять, кто и как путешествовал по России, что искал в этих поездках, какие слова находили люди для выражения своей признательности и восхищения.

Передо мной – как раз один из таких источников, собранный в одном издании и прокомментированный известным историком искусства Г.И. Вздорновым¹. Издание состоит из двух частей. В одной – избранные записи из трех сохранившихся книг посещений (с 1911 по 1969 годы), а вторая – аннотированный указатель имен авторов этих записей.

Оригиналы книг хранятся в архиве Кирилло-Белозерского историко-художественного музея-заповедника. Первая «Книга для записи лиц, посещающих Ферапонтов монастырь» – это красивая толстая тетрадь в синем переплете. Идея завести такую книгу для гостей принадлежит первой игуменье Ферапонтова монастыря матушке Серафиме. Она была человеком высокой культуры, прекрасно понимавшим исключительное значение собора Рождества Богородицы с фресками Дионисия. Просвещенная игуменья привлекла к возрождению монастыря тогдашнюю аристократию, а также научную и художественную элиту.

В минувшем году исполнилось сто лет, как в России, а вскоре и во всем мире, узнали о дивных фресках Дионисия в Ферапонтовом монастыре². В 1911 году вышла в свет первая монография о фресках Ферапонтова монастыря. Успех ее был столь велик, что автора этого научного труда Василия Тимофеевича Георгиевского пригласили выступить на Первом Всероссийском съезде художников. Его выступление состоялось 31 декабря 1911 года в Петербурге.

Первая запись в синей тетради, сделанная 12 июня 1911 года, принадлежит новгородскому архиепископу

¹ «Книги посещений Ферапонтова монастыря. 1911–1969». Г.И. Вздорнов. М.: Индрик, 2011. – 205 с. Тир. 500 экз.

² См.: «Крест Никиты Голейзовского» // «Лампада» № 4 (79).

Василий Тимофеевич Георгиевский – автор первой монографии о фресках Ферапонтова монастыря

Арсению (Стадницкому), знатоку русской истории и церковных древностей, основателю Новгородского церковно-археологического общества. В советское время владыка неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Именно архиепископ Арсений вскоре после посещения Ферапонтова организовал всероссийский кружечный сбор средств на восстановление северной обители. Впечатляет одно лишь перечисление имен тех, кто стремился в Ферапонтово как в землю обетованную и оставил трогательные записи в книгах посещений: граф Олсуфьев с семьей, князя Оболенские, патриарх Алексий (Симанский), искусствоведы Адриан Прахов, Павел Муратов, Александр Анисимов и Виктор Лазарев, писатель Василий Белов и театровед Виталий Виленкин, историк Нестор Котляревский, Сергей Платонов, Александр Брюсов, Борис Пушкин, Сергей Дмитриев и Виктор Бернадский, физик Николай Булгаков, психолог Григорий Фортунатов, математик Николай Колмогоров, художники Кузьма Петров-Водкин, Николай Тырса, Дмитрий Стеллецкий, Николай Чернышов, Илларион Голицын, Николай Гусев, Илья Глазунов, Николай Ромадин, Игорь Грабарь...

Возможно, именно запись Игоря Эмануиловича Грабаря подсказала Герольду Ивановичу Вздорнову идею публика-

ции ферапонтовских книг посещений. В конце 1940-х годов школьник из глухого уральского села Гера Вздорнов написал письмо Грабарю, и художник ответил ему большим письмом.

Подъем Ферапонтова монастыря как духовного и культурного центра оборвался в 1917 году. 2 сентября 1918 года в Ферапонтово нагрянул карательный отряд. Игуменья Серафима была взята в заложницы и расстреляна вместе с епископом Кирилловским Варсонофием (Лебедевым), успевшим записать в книге посещений: «С чувством умиления и благоговения первый раз посетил св. Ферапонтовскую обитель, осматривал дивные фрески старины святой...»

Страна надолго погрузилась в богоборческую смуту, но тетрадь в синем переплете не только бережно хранилась в монастыре, но и непрерывно пополнялась новыми записями.

19 июля 1919 года в Ферапонтово приезжает академик Борис Александрович Тураев, выдающийся египтолог. Он делает запись на амхарском языке. В переводе она звучит так: «Я, Борис Тураев, нахожусь в этом высоком и прекрасном монастыре святого Ферапонта. Бог да даст милость всем святым его насельникам».

Чем усерднее свирепствовала атеистическая пропаганда, тем больше людей стремилось в Ферапонтов монастырь. Инженеры и директора заводов, ученые и писатели, художники и композиторы, студенты и школьники, и, конечно, священники – вот чьи записи мы находим в 1920–1930-е годы.

В именном указателе о каждом втором лице пишется: «биографические сведения не найдены», «даты жизни не найдены», «сведениями не располагаем»... Немногое мы знаем и о женщине, оберегавшей монастырь в самые лихие послереволюционные и военные годы, – о Любви Кирилловне Легатовой.

Те судьбы, о которых Г.И. Вздорнову удалось что-то узнать, часто трагичны. Вот братья Иван и Аркадий Новиковы, мастера-белокаменщики, строители церкви. Они вместе побывали в Ферапонтово в июне 1913 года и вместе были расстреляны 27 сентября 1937 года.

Драгоценны записи, сделанные во время Великой Отечественной войны. Тогда первая книга посещений уже закончилась и ее сменила простая школьная тетрадка.

Как хотелось бы узнать что-то о судьбе архитектора из Тбилиси Ивана Рафаиловича Бегашвили, который оказался

в глухом углу Русского Севера в конце лета 1942 года. В эти же дни в монастырь пришел Иван Львович Мазин, служащий райпотребсоюза, – так он подписался. В книгу посещений он внес слова, полные степенного достоинства и неискоренимой православной веры: «С глубоким чувством и памятью посетил и по возможности вспомнил все, что было в старой Святой Руси – нашей Родине». Прочитав эту запись, почему-то ясно видишь, как молится Иван Львович о своих ушедших на фронт сыновьях, как одиноко ему...

8 мая 1943 года в книге посещений расписывается Василий Григорьевич Осокин, бесстрашно подчеркивая свое духовное звание – «священник»...

20 июля 1946 года в книге появляется пространная запись: «...Прибыла в Ферапонтово экспедиция по сбору красящих камней и глин, организованная Управлением коменданта московского Кремля в составе: младшего лейтенанта т. Гордева Н.В., художников-реставраторов... и фотографа-художника... и красноармейцев ефрейтора Лаптева, шоферов Румянцева, Фокина и бойцов Морозова и Иванова...».

Прошел год после Победы, страна лежит в руинах, а тут – экспедиция за камнями и глиной! Продолжу цитировать эту запись, сделанную с четкостью фронтového штабиста: «Экспедиция организована в связи с ремонтом храмов Московского Кремля, в частности Успенского собора, расписанного автором фресок Ферапонтова монастыря мастером Дионисием, пользовавшимся натуральными красками, тертыми из местных камней...».

Замечателен финал этого документа: «Исполнив свое задание, члены экспедиции не могут обойти молчанием факт наличия исключительного памятника мастерства русской древней живописи и не пожелать, чтобы этот памятник был восстановлен в полном его величии, достойном его мирового значения». Блестящая формулировка, что и говорить!

Паломничество военных в Ферапонтово продолжается весь 1946 год: майор Исаков с семьей, подполковник медицинской службы П.П. Саксонов с женой, начштаба 21-го отдельного округа МВД Егоров...

Вскоре их сменяют студенты. Ребята из Строгановки записывают 8 июля 1960 года: «Мы впервые посетили Ферапонтов монастырь... Все кругом располагает к хорошим поступкам». Студент из Ленинграда Б. Покраскин (19 ноября 1960-го, в эту пору в Ферапонтово уже лежит снег): «Видеть эти фрески – большое счастье...». Другой ленинградский студент, Г. Прохоров, 30 января 1961 года пишет: «Грустно, что Россия, имея в прошлом столь высокую самостоятельную

культуру, предпочла чужую...». Студент-архитектор С. Неумывакин датирует свою запись так: «Красивая, холодная зима 1961 г.». Он сетует: «Обидно, что не многие могут видеть эти великолепные росписи... Ангелы в простенках барабана для осмотра трудно доступны...».

В конце января 1961 года московские студенты отправляются в Ферапонтово (шестьсот километров от столицы!) на лыжах! 3 февраля одна из девушек-спортсменок записывает в книге посещений: «Мы приехали на лыжах из Москвы посмотреть фрески. Это очень приятные фрески, очень, очень приятные... Благодарны Валентину Ивановичу Вьюшину, очень гостеприимному смотрителю».

Валентину Ивановичу Вьюшину приходилось отогревать путешественников и зимой, и летом. Вот что писали архитекторы В. Самохин и Н. Александровская 6 августа 1956 года: «...Хочется от всей души поблагодарить хранителя музея В.И. Вьюшина и его супругу за теплое и внимательное отношение к нам. Если бы не их участие, лежать бы нам с каким-нибудь двусторонним воспалением легких, так как пришли мы в Ферапонтов монастырь до нитки промокшие и продрогшие. Еще раз большое спасибо этим хорошим людям».

Вьюшин – легенда Ферапонтово. Это сегодня ансамбль Ферапонтова монастыря с росписями Дионисия включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО и его сохранением заняты около пятидесяти музейных работников. А после войны и на протяжении тридцати лет весь монастырский комплекс был на попечении одного человека! Получая копеечную зарплату, вернувшийся с войны инвалид был и хранителем, и экскурсоводом, и

сторожем. Он устраивал всех приезжающих на ночлег и угощал чем Бог послал. Вот почему в 1950–1960-е годы имя Валентина Ивановича Вьюшина благодарно упоминается почти в каждой записи.

Художник Николай Владимирович Гусев вспоминал о Вьюшине: «Он всех радушно принимал, не имел ни к кому предубежденного отношения, разве что к девицам в шортах, им в собор заходить не полагалось. Не упустил из вида людей случайных, тем более что вход был свободный, без билетов. Сам он, жена его Анастасия Ивановна и дочь их Зина днем и ночью охраняли Рождественский собор, который, по существу, стоял как в поле. За все годы его хранения не было ущерба росписям, даже малому. Забот и работы у Валентина Ивановича было много. Кроме соблюдения режима хранения росписей требовалось содержать в должном порядке монастырский двор, три церкви, паперть и собор. Не все теперь представляют, что это за труд: вымыть полы на пятистах квадратных метрах...».

С Вьюшиными дружили Белла Ахмадулина и Юрий Коваль (он даже мечтал написать книгу о Валентине Ивановиче). «Валентин Вьюшин сказал мне, что журавли уже прошли. А я-то думал, что увижу их...». Это из «Монохроник» Ю.И. Ковалья.

23 июня 1967 года архитектор Михаил Бархин и его коллеги записали: «Нет сейчас, пожалуй, в среде художников и живописцев, искусствоведов и историков, старых и молодых, кто не знал бы семью Вьюшиных и навсегда не связал бы их с Ферапонтовым, со своими глубокими и нежными воспоминаниями о Дионисии...».

Вьюшины... Вьюшей на Севере называют чайку.

*Сиротам времени былого
Найти ль дороги поворот,
Где для моления благого
Сошлись Кирилл и Ферапонт,
Где мы совпали, возлюбивши
Напевных половиц настил,*

*Где или наведывать кладбище
И небородный Монастырь...*

Белла Ахмадулина.
Из стихов о Ферапонтовом
монастыре

Монахиня Софрония (Алексеева)

Мы вылеплены Божьей рукою

*Мы вылеплены Божьей рукою
для долгих странствий, не для
косной лени...*

Такие строки открываются перед нами в стихотворном размышлении одного из самых значительных европейских писателей XX века, лауреата Нобелевской премии Германа Гессе. Выдающийся мастер слова умер в глубокой старости, когда, по его словам, «единственно важен вопрос разума, веры, того глубочайшего сострадания, которое рождается на пороге мучений и смерти». Незадолго до своего ухода в иной мир Гессе сказал о себе: «Всю жизнь я хотел стать святым, а умираю грешником». И слова эти есть не что иное, как отчет христианской души о ее пути в этом временном мире. На протяжении всей своей достаточно длинной и нелегкой жизненной дороги поэт и философ оставался верен великому слову «überwinden» – «преодолевать». В карандашном наброске лица усопшего писателя, оставленном нам его внучкой Изой, такое преодоление просматривается отчетливо: черты, столь часто отражавшие страдание, преобразили особый покой и ясность.

В последние годы своей жизни Герман Гессе провозжал в мир иной многих своих родственников и друзей, чувствуя «будто наполовину умер сам». «Страдать, стонать – вот наш первый и естественный ответ на потерю чего-то дорогого», – пишет он в одном из писем. Но те, кого «знал, любил и потерял», «теперь часть меня и моей жизни, как раньше, когда были они еще живы. Я думаю о них... Я знаю скорбь... Я испытываю ее перед каждым увядающим цветком. Но эта скорбь лишена безнадежности».

Именно такое мироощущение встречает нас уже в начальных строках стихотворения «Ступени»: *Любой цветок неотвратимо вянет // В свой срок и новым место уступает...* Здесь соединены боль и смирение, горечь и мудрость.

Пережив смерть многих близких, Герман Гессе научился и о собственном конце думать без содрогания, ибо, покидая землю, мы не уходим из жиз-

ни, а лишь только переходим к новым ее ступеням.

*Как знать, быть может, смерть,
и гроб, и тленье –
Лишь новая ступень к иной отчизне.
Не может кончиться работа
жизни...*

Многие из нас, наверное, испытали тяжесть и горечь разлуки с дорогими для нас людьми, переступающими порог смерти; это становится одним из самых тяжелых переживаний в жизни. Но на неисповедимых путях Господних, по Промыслу Божьему, перестрадав потерю близких и борения с самими собой, немало людей вышло на «неизвестное еще служенье, привычные святыни покидая...».

На тяжелейший путь юродства Христа ради вступает блаженная Ксения Петербургская, оплакав смерть любимого мужа. Славное пастырское служение начинает в Москве овдовевший Алексей Мечев. «Жизнь моя кончилась», – со слезами почти отчаяния открывает о. Алексей своему духовнику протоиерею Иоанну Кронштадтскому безмерное семейное горе. «Да нет, она только начинается», – отвечает ему пророческими словами праведный Иоанн. «Многим кажется, что я взяла неподъемный крест и либо рухну от неподъемной тяжести, – писала великая княгиня Елизавета о создании ею Марфо-Мариинской обители. – Я же приняла это не как крест, а как дорогу, полную света, которую указал мне Господь после смерти Сергея...».

*И в каждом начинании таится
Отрада, благодатная и живая...*

Как часто мы не чувствуем этой благодатной отрады перемен, боимся потерять успокоенность, тихое течение жизни. Боимся довериться Божьему Промыслу, встать на новую ступень своей жизни и идти за Христом, Который сказал: «Аз есмь Путь».

Герман Гессе не был православным христианином. Но прошел он свою духовную лестницу, поднимаясь от ступени к ступени, прошел от протестан-

тизма к католицизму, если говорить о формальной конфессиональной принадлежности, прошел наполненный напряженной внутренней работой жизненный и творческий путь, стараясь говорить лишь открывающуюся на нем «кровотокающую правду». И, как герой его романа «Степной волк», «искал за развалинами своей жизни расплывшегося смысла, страдал от того, что на вид бессмысленно, жил тем, что на вид безумно, тайно уповал на откровение и близость Бога даже среди последнего сумбура и хаоса».

Идея стихотворения Германа Гессе «Ступени» созвучна святоотеческим творениям. Помимо художественного достоинства это лирическое произведение обладает жизнеутверждающей и возвышающей человека силой. Скольким людям оно помогло в моменты бед и искушений! И это, вероятно, потому, что, как писал его автор, «ту долю жизни, которую я отобрал у темных сил, я принес в жертву светлым. Не наслаждение было моей целью, а чистота, не счастье, а красота и духовность».

*Любой цветок неотвратимо вянет.
В свой срок и новым место уступает:
Так и для каждой мудрости настанет
Час, отменяющий ее значение.
И снова жизнь душе повелевает
Себя перебороть, переродиться,
Для неизвестного еще служенья
Привычные святыни покидая, –
И в каждом начинании таится
Отрада, благодатная и живая.
Все круче поднимаются ступени,
Ни на одной нам не найти покоя;
Мы вылеплены Божьей рукою
Для долгих странствий, не для косной
лени.*

*Опасно через меру пристраститься
К давно налаженному обиходу:
Лишь тот, кто вечно в путь готов
пуститься,
Выигрывает бодрость и свободу.
Как знать, быть может, смерть,
и гроб, и тленье –
Лишь новая ступень к иной отчизне.
Не может кончиться работа
жизни...
Так в путь – и все отдай
за обновленье!*

Дмитрий Шеваров

Душа на ладони холста

Прекрасны картины Серова, но они лишь слабые отражения той жизненной красоты, которую содержал в себе этот умнейший и простодушнейший, молчаливый и временами совершенно детски веселый, этот благородный и абсолютно чистый человек...

Александр Бенуа

КОГДА мы приходим в Третьяковскую галерею, то невольно ищем глазами «Девочку с персиками». А потом стоим перед ней, как на пороге родного дома. Будто приехали на каникулы, и вот – комната, летний свет, весело льющийся из окна, и девочка – сестра или соседка. Девочка серьезная, а вернее – пытается быть серьезной. Вот-вот сорвется и убежит...

Уходишь из галереи с необъяснимым желанием иметь эту картину перед глазами. Пусть будет всего лишь открытка, репродукция из журнала – но пусть будет рядом... И пусть мы никогда не поймем, что же такого особенного в этой картине: сидит за столом девочка, лежат персики, за окном – лето.

В июне 1941 года, перед самой войной, мой еще молодой дедушка купил в букинистическом альбом Серова, изданный Кнебелем в 1914 году, и подарил бабушке. Когда она открыла альбом, оказалось, что в нем нет именно «Девочки с персика-

ми», – прежний владелец книги, очевидно, не нашел сил расстаться с ней и оставил страницу себе.

ПРАВО, какая-то тайна есть в том, что свое вершинное произведение Серов создал в пору юности. Портрет Верочки Мамонтовой «Девочка с персиками» был написан художником в 22 года.

Брат Верочки, Всеволод, вспоминал: «Только благодаря своей дружбе Серову удалось уговорить мою сестру Веру позировать ему. Двенадцатилетнюю, жизнерадостную бойкую девочку в летний погожий день так и тянет на волю, побегать, пошалить. А тут сиди в комнате за столом, да еще поменьше шевелись...»

Вера Мамонтова родилась 20 октября 1875 года в семье Саввы Ивановича Мамонтова и его жены Елизаветы Григорьевны. Почти десять лет спустя после портрета Серова Верочку написал и Виктор Михайлович Васнецов. Этот портрет называется «Девушка с кленовой веткой».

В конце своей недолгой жизни Серов сказал Грабарю, глядя на «Девочку с персиками»: «Написал вот эту вещь, а потом всю жизнь, как ни пыжился, ничего уже не вышло: тут весь выдохся». А еще он говорил: «Я считаю, что только два сносных (портрета – Д.Ш.) в жизни и написал». Второй – это «Девушка, освещенная солнцем».

Чем нам так дорог сегодня Серов? Мне кажется – *высветлением* человека. Сегодня искусство, называющее себя актуальным и современным, очень часто темнит человека, любит его греховностью, пытается убедить зрителя в том, что он звероподобен. Серов своим даром, своей палитрой возвращает нас к пониманию человека как творения Божия. Современники, наблюдавшие за работой Валентина Александровича, поражались

Автопортрет

тому, как люди на его портретах просветлялись от сеанса к сеансу. И каждый его портрет можно назвать «Освещенный солнцем» или «Освещенная солнцем».

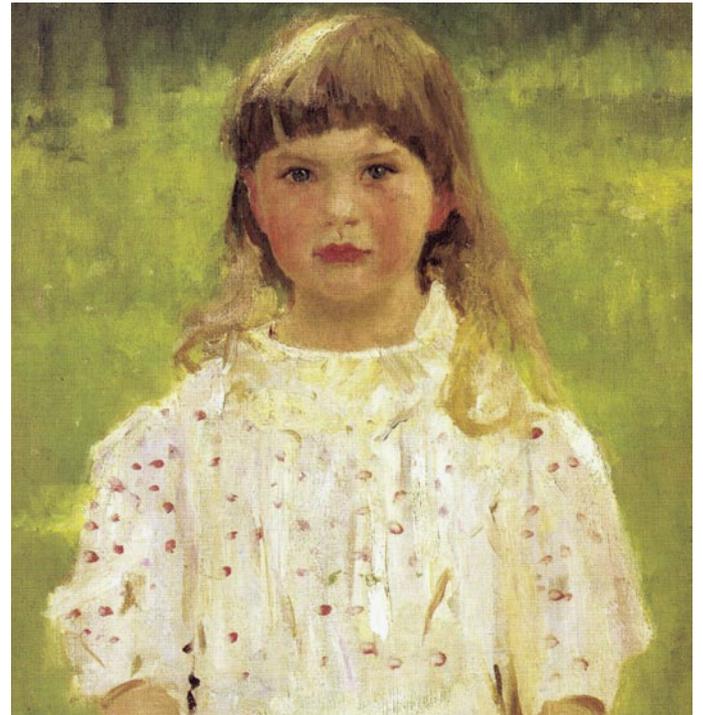
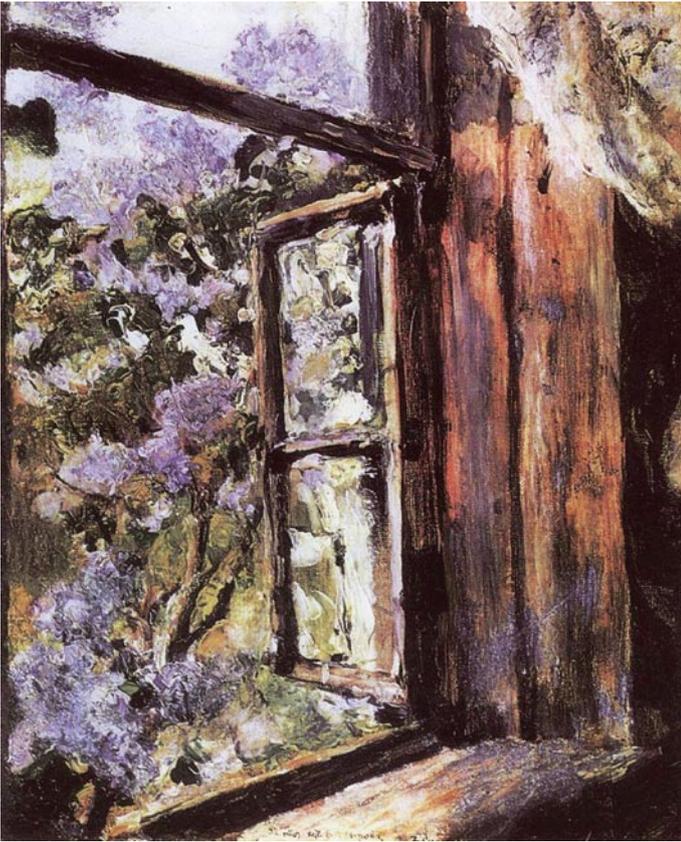
ОВДОВЕВ, мать маленького Валентина увлекается народническими идеями и отдает сына на воспитание в сельскую коммуны. Именно там, на случайных клочках бумаги, мальчик тайком начал рисовать оленей и лошадей. Он мечтал найти клад и завести лошадей. Через много лет Игорь Грабарь напишет о работах Серова: «Каждый деревенский пейзаж он непременно населяет хоть одной лошадкой, без которой просто не представляет себе русской деревни...». С.С. Мамонтов на вечеру памяти Серова говорил: «Особую любовь с детских лет он чувствовал к лошадям и вообще к живым существам...».

Однажды его рисунки нашла и сожгла одна из энтузиасток-народниц. «Такая это была страшная обида маленькому художнику, который рос тогда во мне, что и теперь я, уже стареющий человек, до сих пор не могу спокойно вспомнить...». В отместку он изрезал ножницами платье обидчицы.

К счастью, коммуна вскоре развалилась. Мальчика отвезли к матери, которая уже жила в Париже. В это же время там был и Репин. Потрясенный рисунками мальчика, он берет его под свою опеку, рассказывает о нем друзьям и коллегам. Маститые художники называют его гением, а подросток будто не слышит похвал. Во всяком случае, они его не испортили. Гордыни у Серова никогда не было. В юности в ответ на восторги он обычно отвечал: «У меня настоящего таланта нет,

Девочка с персиками на холсте художника и рядом она же, Верочка Мамонтова, запечатленная на дагерротипе, как тогда называли фотографии

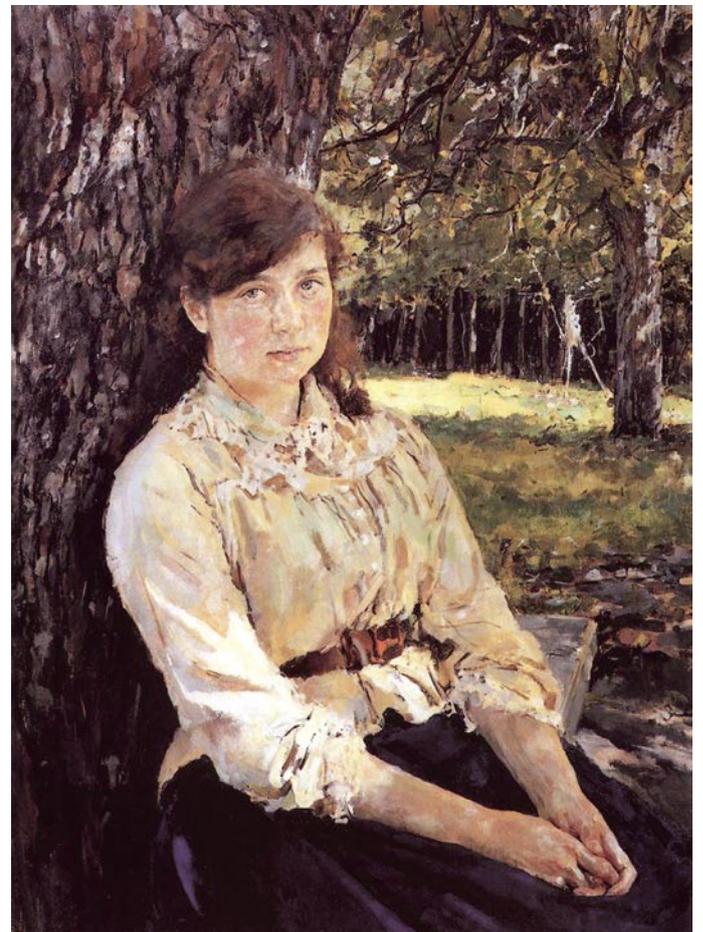

Леся Дервиз. 1892

Открытое окно. Сирень. 1886

Зима в Абрамцеве. Этуд. 1886

Девушка, освещенная солнцем. 1888

Миропомазание императора Николая Александровича. 1896

а вот есть у меня товарищ, Врубель, – это исключительный талант!». Газета «Биржевые ведомости» писала 24 января 1911 года в некрологе: «Будь он другой человек, он мог бы лопатами загребать золото».

К НАЧАЛУ XX века Валентин Серов стал первым портретистом России. От богатых заказчиков ему иногда приходилось отбиваться. Да и не все выдерживали многочисловые позирования. А таких сеансов у Серова могло быть до ста! Современник вспоминал: «Он не любил и не умел работать быстро, без конца переписывая то, что для всякого другого было уже давно окончено...».

Особой страницей в жизни и творчестве художника стали портреты Государя и его семьи. История отношений Серова с царской семьей полна драматизма. Все началось с портрета семьи Александра III. Он писался через четыре года после смерти Александра III и поразил всех его детей почти чудесным воскрешением в красках живого облика любимого отца.

А в 1900 году Серов пишет портрет Николая II. Говорят, когда Серов пришел в Зимний дворец, чтобы приступить к работе, флигель-адъютант провел художника в одну из комнат, где на столе стояла большая фотография императора, а рядом на кресле лежал полковничий парадный мундир. Флигель-адъютант осведомился, не нужно ли еще чего-либо. Серов ответил: «Спасибо, все есть, кроме Государя» – «Но, может, вы напишете портрет по фотографии?».

Серов молча принял складывать краски в портфель. Вскоре пришел Ни-

колай II в простой тужурке офицера Преображенского полка. Портрет предназначался в подарок Александре Федоровне, и Государь стал терпеливо позировать. Результат тридцати пяти (!) сеансов оказался неожиданным: таких царских портретов прежде никто не писал. В нем было что-то трагическое и даже мученическое, чего тогда никто не мог предвидеть.

Портрет повесили во дворце так, чтобы его видели немногие, – над высоким шкафом. Один из искусствоведов, бывавших в Зимнем дворце, писал: «Лучшим из всех интимных портретов Серова является портрет ныне благополучно царствующего Государя Императора в тужурке, написанный в 1900 году. Это не портрет для государственных учреждений, не официальный и не парадный, даже не “деловой” царский портрет, это облик Государя в ежедневной домашней жизни за рабочим столом. Едва ли найдется другой портрет европейского монарха, который в равной степени лишен неизбежного официального холода. В творчестве Серова портрет этот по праву должен занять одно из первых мест...».

О.В. Серова, дочь художника, писала в воспоминаниях: «В 1917 году матросы с особенной ненавистью накупились на этот портрет Николая II в тужурке, кинулись как на живого человека...».

Как свидетельствовал хранитель Русского музея П.И. Нерадовский, спасли шедевр ученики художественной школы: «В день взятия Зимнего дворца я находился в Русском музее. Неожиданно пришли ко мне в кабинет три молодых человека со свертком... Все трое рассказали, что они только что были на Дворцовой площади и увидели, как группа солдат стремительно вышла из дворца, неся какую-то картину. Заинтересовавшись и подойдя ближе, узнали, что это был известный портрет работы Серова, изображающий Николая II в тужурке. Увидев, что солдаты из ненависти к царю рвут его портрет штыками, стараясь разорвать его на части, – уже прокололи на нем оба глаза, – они стали просить отдать им портрет, убеждая, что это работа знаменитого русского художника Серова... Солдаты вняли просьбе учеников и отдали им портрет. При этом они рассказали ученикам, что сорвали портрет со стены и хотели совсем его уничтожить... Я положил портрет между двумя стеклами и запер его в шкаф...».

МИНУВШЕЙ весной в залах графики Третьяковской галереи прошла выставка Серова. В книге отзывов, где я оставил несколько благодарных слов, не мог не обратить внимание на строки, которые глубоко отозвались в сердце. Некто А.Н. Ясинова писала: «Жаль, что в Москве нет музея В. Серова, а ведь последние годы он жил в Москве, преподавал, умер и похоронен здесь. К счастью, сохраниены еще здания, связанные с его именем. Как здорово было бы открыть такой дом, там могла бы звучать музыка отца Серова и матери. Еще лучше было бы помочь музею В. Серова в Домотканове. Он в ужасном состоянии. И мы его можем потерять».

Государь Николай II. 1900

Вехи жизни и творчества

1865. Родился в Петербурге в семье композитора и музыкального критика Александра Николаевича Серова и первой в России женщины-композитора Валентины Семеновны Серовой (урожденной Бергман).

1871. Смерть отца.

1874. Приезд с матерью в Париж. Знакомство с И.С. Тургеневым, А.К. Толстым, В.Д. Поленовым. По рекомендации скульптора Марка Антокольского – знакомство и начало занятий под руководством И.Е. Репина.

1875. Встреча Рождества вместе с русскими художниками, жившими в Париже. Участие в живой картине, о которой В.Д. Поленов писал родным: «Стоял гений (маленький сын Серовой) с огромными белыми крыльями...». Все лето – в гостях у Мамонтовых в Абрамцево.

1877. Переезд с матерью в Киев. Учеба в гимназии, посещение рисовальной школы.

1878. Возвращение в Москву. Знакомство с 13-летней Олей Трубниковой, ставшей впоследствии женой художника.

1878–79. Жизнь у Репина в Москве.

1880. Поступление в Академию художеств. Знакомство с М.А. Врубелем.

1885. Поездка в Германию и Голландию.

1887. Работа над картиной «Девочка с персиками». Поездка в Италию вместе с

Ильей Остроуховым и братьями Михаилом и Иваном Мамонтовыми.

1889. Венчание Валентина Серова и Ольги Трубниковой. За 22 года семейной жизни художник написал не менее 12 портретов жены. У Серовых родилось шестеро детей.

1890. Участие в спектакле мамонтовского театра вместе с К.С. Станиславским. Лето в Домотканове.

1894. Поездка с Константином Коровиным на Север.

1897. Работа над первым официально-парадным произведением – портретом великого князя Павла Александровича. Преподавание в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

1898. Избрание академиком Академии художеств.

1899. Портрет старших сыновей.

1900. Работа над портретом великого князя Михаила Николаевича.

1905. Отказ от звания действительного члена Академии художеств в связи с событиями 9 января 1905 года.

1907. Смерть Веры Саввичны Мамонтовой, героини портрета «Девочка с персиками». Путешествие в Грецию и на Крит.

1909. Пишет Анну Павлову для афиши «Русских сезонов» в Париже.

1911. Работа над портретом Н.П. Ламановой.

22 ноября. Внезапная смерть.

Мария и Иосиф. Серову – 15 лет

ГДЕ МОЖНО УВИДЕТЬ РАБОТЫ ХУДОЖНИКА

Государственная Третьяковская галерея
Государственный Русский музей
ГМИИ имени А.С. Пушкина
Нижегородский художественный музей
Пермская государственная художественная галерея
Таганрогский художественный музей
Тверская областная картинная галерея
Екатеринбургский музей изобразительных искусств
Ульяновский областной художественный музей

Лодки в тумане. 1910

У перевоза. 1905

Александр Мартинес-Пуэрта

Иногда полезно глянуть на себя сверху

То, что в жизни нет ничего случайного, людям православной веры известно доподлинно: на все Промысл Божий. Как его распознать, как не исказить личной свободой выбора, которой наделил нас Господь, — едва ли не главный вопрос бытия. Но если не смог поступить как должно, право, не грех поразмыслить над этим. Лично я, например, стараюсь извлекать уроки, правда, без заметного успеха.

Земля апостола Филиппа

ПОПУТЧИКИ

Третий год подряд мы с моим старшим сыном выбираемся на десяток весенних дней в Турцию. У него, как теперь говорят, проблемы со здоровьем: позвоночник и дыхательные пути. А там, куда мы ездим, чистейший горный воздух и целебные источники. И самое главное: с нами волшебница Любовь Михайловна — врач, которая, собственно, и открыла для нас это место и в прямом смысле ставит нас на ноги.

От аэропорта до пункта назначения — отеля «Умут» — нам предстояло протрястись в не самом комфортабельном автобусе около шести часов. Так что для знакомства и установления контактов времени было более чем. Моей соседкой оказалась Алена, одна из руководителей группы, знакомая по прежним поездкам. Поговорили о здоровье и лечении, о полиграфии (моя работа), о погоде и красочных пейзажах за окном. Когда наступила понятная в таких случаях пауза, Алена достала православный

журнал, и наша беседа потекла вновь, но теперь уже по религиозному руслу. Мы обсудили проблемы, с которыми сталкиваются издатели церковных журналов. Поговорили о причастии — может ли оно навредить человеку (я рассказал о проповеди настоятеля нашего храма). Диалог протекал поначалу достаточно спокойно, но потом страсти накалились (кажется, на теме единого Бога: один ли и тот же Он у нас и у нехристиан). И тут к разговору присоединился еще один попутчик.

Если бы Алексей просто возразил, куда ни шло. Но тон разговора — насмешливо-снисходительный, с пренебрежением — мне был очень не по душе. Особенно когда он стал говорить об общепризнанных и почитаемых отцах Церкви и современных богословах — святителе Игнатии Брянчанинове, отце Серафиме Роузе, профессоре А.И. Осипове. Я, как мог, держал оборону. Алексей, словно подводя итог, заявил: «Я вообще от этого отхожу». А потом, улыбаясь, влил мне: «То, что ты говоришь, — фарисей-

ство!» Его поддержала Алена, правда, добавив: «Не суди его строго, он новообращенный!». Но сути это не меняло: доля истины в ее словах была. Крестился я в 1999 году, а приходиться к вере и серьезно интересоваться православием стал чуть больше двух лет назад. Так что, вполне возможно, я не очень доходчиво и умело отстаивал свою точку зрения, к тому же «фарисейство» меня зацепило. Тем более что оппонент употребил его в расхожем и неверном смысле, означавшем двуличие. Фарисеями же в ветхозаветные времена назывались люди, глубоко знавшие Священное Писание. Просто у них, как у всех нас, грешных, слово часто расходилось с делом, отсюда и негативный оттенок, который со временем стал основным цветом понятия. Во время спора Алексей как бы невзначай пробросил, что служит (или служил? — я не запомнил) пономарем в храме. Я тогда слегка опешил: это же, можно сказать, специалист, «профи» по-нынешнему. А сейчас справедливо, как мне казалось, поду-

мал, что кое-кому неплохо бы лучше разбираться в церковной истории.

Ситуация зашла в тупик. Выручила (как всегда!) наша Любовь Михайловна. Она под села ко мне и тихонько рассказала, что Алексей сильно болен и был даже чуть ли не при смерти. А ей, в свою очередь, их общий знакомый батюшка, который исповедовал Алексея, потом сказал, что такого чистого и светлого человека никогда не встречал. Я, понятно, отнесся к этим словам с полным доверием и уже другими глазами стал смотреть на своего оппонента. Но если быть до конца честным, особого тепла к этому пономарю в моей душе все же не было.

В этой поездке у меня был еще один, особый попутчик, с которого, возможно, и следовало начать эти заметки и к встрече с которым я готовился заранее, еще в Москве. Его вернее было бы назвать даже спутником, потому что мысль о нем меня не покидала и наполняла мое пребывание особым смыслом. Я имею в виду апостола Филиппа, одного из первых двенадцати последователей Иисуса, который, как и его Учитель, принял мученическую смерть через распятие на кресте.

Филипп проповедовал Благоую весть здесь, в Малой Азии, нынешней Турции, и это с трудом укладывалось в сознание: прежде, в течение многих веков, здесь жили едва ли не сплошь христиане, а теперь – пожалуйста: «Аллах акбар»... Почему так попустил Господь? Видно, по нашим грехам, мы недостойны иного.

Мысленно стараюсь представить: вот по этой тропе, возможно, шагал когда-то сам апостол Филипп или кто-нибудь из его сподвижников. Наверняка и он смотрел на эти снежные горы, которые вижу теперь я, и наши взгляды словно сходятся в одной точке, как две стороны одного угла, хотя нас разделяют две с лишним тысячи лет. А наш маленький отель? Он всего в тридцати километрах от развалин древнего Иераполиса. Но ведь именно там погиб святой апостол... Так что наша лечебная программа – походы в горы, омовения в

термальных и грязевых источниках, дыхательная гимнастика и еще масса других процедур – я чуть ли не осязаю, была бы куда менее продуктивной без главного – без работы души. Я понял это особенно ясно, когда однажды, выведя нас на вершину горы, Любовь Михайловна неожиданно предложила... Но это уже отдельная история.

МОЛИТВА

Мы приехали в здравницу в Светлую седмицу, и уже одно это делало наше пребывание на земле первохристиан исполненным особого смысла. Поэтому предложение нашего руководителя показалось даже необходимо-правильным:

– Ребята, кто знает Пасхальный тропарь «Христос воскрес из мертвых»?

Все смущенно потупились, в том числе и Алексей. А я, грешный, не удержался и громко обратился к нему:

– Давай, пономарь!

– Я... до конца ее не помню...

– Любовь Михайловна, а можно прочесть другую молитву – Честному Кресту? – наступил мой «звездный час».

Это вообще одна из моих любимых молитв, всегда читаю ее вечером, а теперь часто и в течение дня. Тогда я, конечно же, и не думал, что мне выпадет прочесть ее на вершине горы. Но так сложилось, и словно какая-то неведомая сила подхватила меня, и молитва полилась сама, рекой.

– *Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...* – Мне казалось, я вообще никогда так не читал! – *...Радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень...* – у меня перехватило дыхание, и в какой-то момент показалось, что не хватит кислорода... – *и даровавшего нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата...* – По телу побежали мурашки, в ушах зазвенело, и вот наконец я произнес: – *Аминь!*

– Спасибо от всех! – услышал я словно издали голос Любви Михайловны.

– Здорово! – это уже хвалил меня приятель дядя Валера. – Я, правда, почти ничего не понял, но внушает. Тебе надо быть миссионером, – то ли пошутил, то ли всерьез сказал он.

Необъяснимая, радостная легкость сошла на меня после неожиданного «сольника» на вершине горы. Пожалуй, я впервые ощутил, что такое молитва, если она идет из глубины души и с верой в ее силу. А потом я вообще совершенно по-новому воспринял эпизод из жизни апостола Филиппа. В Иераполисе, куда он пришел с проповедью о Христе, было много языческих храмов, в том числе и посвященный змеям. В нем обитала огромная ехидна, наводившая ужас на жителей города. И апостол умертвил чудовище, всего лишь прочитав над ним соответствующую молитву.

Мой случай был, конечно, не из тех, но чувства во мне проснулись тогда необыкновенные. Правда, было что-то, что не давало полностью насладиться этой радостью. А потом, когда мы спустились с горы, понял: я зря обратился к Алексею со словами «Давай, пономарь!» Ведь он молитву прочесть не смог, а у меня получилось. Вот, мол, какой я молодец! И теперь я словно заглянул себе в душу, на самое ее доньшко, туда, где свернулась клубком моя гордынька...

Когда между людьми отношения не складываются, любое лыко, как говорят, ложится в строку. Так вышло и у нас с Алексеем.

Как-то они с женой сидели у входа в отель и ждали остальную группу. Мне показалось, что Алексеем плохо, и я обратился к нашим врачам. Те сказали, что беспокоиться не из-за чего. Чтобы как-то подбодрить парня, я пошутил, но не очень удачно: «Наверное, всю ночь с турчанками отплясывал – вот и устал». И тут же получил резкую отповедь его жены: «Во всяком случае, не кричал всю ночь, как ты, когда смотрел по телевизору футбол». Стоп! А это уже был форменный донос. Нарушение режима у нас каралось очень строго. Мои отношения с руководством получили

пробоину. Спрашивается: зачем нужно было «сдавать» меня, да еще таким примитивным способом? Месть за тот инцидент с молитвой? Или за неловкую шутку с турчанками?

В общем, я обиделся и несколько дней дулся как ребенок, при случае подкалывая их на тему стукачества. А оказалось, что Алексей тогда действительно заболел и температура скакнула под сорок. Так что ни ему, ни его жене было, понятно, не до шуток. Я не чувствовал себя виноватым, но все же хотелось изгладить обиду. Но я никак не решался подойти первым. Они тоже не спешили навстречу. Во мне боролись два я. Одно говорило: «Ты же не виноват, на тебя настучали!», а второе говорило: «Ты же православный, смирись и прости!» На душе было скверно.

Победить себя я смог только по возвращении, в Домодедово. Подошел к ребятам и сказал: «Если было что не так, не обижайтесь. Не со зла». Похоже, они тоже помягчели. Но самым дорогим для меня было – внимательный и, как мне показалось, одобрительный взгляд сына. Попробую объяснить, почему.

СЫН

К сожалению, мы с Сашкой уже давно не живем вместе. Естественно (точнее – неестественно), общаемся и видимся не так часто, как хотелось бы. Достаточно сказать, что Сашка первый раз исповедался и причастился со мной только в этом году, Великим постом. Так что наши весенние поездки в Турцию не только серьезно помогают подлечить его, но и дают возможность просто побыть вдвоем, поговорить, обсудить вопросы, которые неизбежно возникают у подростка. Он очень добрый и чуткий ребенок и, как мне кажется, не просто старается подражать взрослым православным людям, но внутренне, душой тянется к вере.

Как я уже сказал, у нас с сыном над головой оказалась не общая крыша. Постоянно служить примером и так не всегда у меня получалось, а теперь стало и вовсе затруднительно.

*Александр большой
и Александр маленький*

И потому я дорожил не то что каждым днем, но каждым часом общения с Сашкой. Насколько это было дорого моему сыну, думаю, лучше спросить у него самого.

На эту поездку я возлагал большие надежды. Я рассчитывал поговорить с сыном о православии, о Боге, если получится, приобщить к молитве. Мне представлялось, как мы поднимаемся в горы и вместе молимся там. Но человек, как известно, предполагает...

Коллизии, которые возникли в этой поездке, наверняка затронули бы меня куда меньше, если бы со мной не было Саши. Он с интересом и нормальным непониманием слушал наши споры. Как мне показалось, переживал из-за того, что отец оказывался в меньшинстве и не мог достойно отстаивать свою точку зрения. Но Саша не только умный и чуткий мальчик, он еще и деликатен (поверьте, я не страдаю синдромом гениальности своих детей). Он не обсуждал со мной и не вдавался в объяснение нюансов наших разговоров. Но посматривал он на меня в этой поездке, пожалуй, чаще обычного.

Я, как мог, всегда старался вывести для него что-то поучительное. Во

время моего «молитвенного стояния» на вершине горы я отметил, что ему приятно за меня: не ударил, мол, отец лицом в грязь. По-моему, он не обратил внимания на мой выпад против Алексея («Давай, пономарь!»), о чем я, честно говоря, подумал с облегчением. А вот сюжет с турчанками и ночным футболом стал предметом нашего обсуждения.

Я попытался объяснить Сашке, в чем была неправда жена Алексея. Во-первых, она допустила преувеличение: я смотрел футбол не «всю ночь», а только первый тайм, и если мы были слишком эмоциональны, можно было сказать об этом, а не заявлять во всеулышание, да еще при начальстве. Нужно уметь регулировать отношения непосредственно с конкретным человеком, а «сдавать» его, пусть и неосознанно, – неправильно. По сути, предательство.

Что послужило причиной моей размолвки с Алексеем и его женой? Наш спор в автобусе? Жесткий график лечения, строгий распорядок и режим? Или физическая и эмоциональная усталость, которые накапливаются со временем? Наверняка имела значение и его болезнь. Но «закладывать» людей, объяснял я Сашке, все равно нехорошо. Похоже, он со мной согласился.

Но самым важным и дорогим для меня в этой поездке было вот что. Я предложил моему Сашке начать регулярно читать утренние и вечерние молитвы. К моей радости, он с удовольствием согласился. Так до конца поездки оно и было: правда, не полностью правило, а только по «Отче наш», но я и этим был очень доволен. А когда я как-то забыл напомнить сыну о нашем решении, он спросил меня, как мне показалось, с неким укором: «Папа, а мне что, разве не нужно сегодня молиться?»

Уже прошло порядком времени, как мы вернулись. Саша чувствует себя значительно лучше. Я – тоже. Очень помогло мне посмотреть на себя с вершины горы.

Отель «Умут» (Турция) – Москва

Протоиерей Андрей Ткачев

Одно расстройство...

Есть такая организация, которая должна охранять здоровье во всемирном масштабе. ВОЗ называется. Мы бы про нее и не знали и не думали, если бы она нас в последние годы не пугала атипичной пневмонией, птичьим гриппом и прочими глобальными угрозами. Но

Великая ВОЗ недавно вынесла суждение о любви и квалифицировала ее как психическое расстройство. Надо полагать, эпохальное слово было сказано так, как произносятся вообще все чиновничьи откровения: сухо, с покашливаниями докладчика, со ссылкой на «английских ученых» и проч. Но так или иначе, шепотом или в рупор, слово сказано, и это означает, что «жребий брошен». Вслед за этим диагнозом неумолимо следует пересмотр всей мировой истории. Орфей и Эвридика, Дафнис и Хлоя, Данте и Беатриче отныне будут классифицироваться как люди просто больные и вовремя не обследованные. «Любовь, что движет солнце и светила» лишится достоинства перводвигателя Вселенной. Письмо Татьяны к Онегину превратится из песни девственной души в банальный бред, и так далее. Картина мира изменится до неузнаваемости, буквально станет с ног на голову. И все это можно будет рассматривать как попытку наукообразного обоснования той новой реальности, которая ждет человечество. А ждет его поистине новая эра. Эта эра, как некогда христианство, будет стремиться коренным образом пре-

образовать всю жизнь человечества. Только если христианство открывало людям вечную перспективу, усыновляло их Небесному Отцу и делало Адамовому роду прививку бессмертия, то новая эра только по масштабу будет достойна сравнения с христианством. По смыслу же она будет развращать, осквернять и разрушать внутренний человеческий мир, превращая людей в скотов, или бесов, или в то и другое разом.

Мы, в общем-то, слышали уже в советские времена о том, что любовь есть только химическая реакция и материалистически объясняемый процесс. Весь девятнадцатый век прошел под знаком наглого позитивизма. Отсюда и революции пришли, на этом грунте и концлагеря построились. Потом мы имели наивность полагать, что дракон умер. Но он и не думал умирать, а значит, крики «Да здравствует дракон!» неизбежны. Собственно, эти крики мы и слышим. Даже из уст всемирных охранников здоровья. По неумолимой логике сегодняшнего дня жены декабристов, к примеру, должны быть признаны больными, зато вполне здоровы и заняты радостным

думаем мы о ней или нет, а организация это серьезная. Как внутри живого вулкана что-то бурлит и скрытно от глаз происходит, а потом раз – и даст о себе знать, так и серьезные организации существуют вроде бы незаметно, пока раз – и не заявят о себе громко и сногшибательно.

самовыражением гомосексуалисты всех мастей. Родители лишаются права именоваться *отцом* и *матерью* и получают приказ: «На первый-второй рассчитайсь!», и это далеко не все. Нас ждут поистине непростые времена, напрочь лишенные веселости. Таков итог западного индивидуализма, заразившего Вселенную.

Владимир Соловьев написал некогда целую книгу, пытаясь объяснить смысл любви. Так эта книга и называется. В ней философ говорит о необходимости живого существа выйти за рамки своей ограниченности для того, чтобы бытие его было полным. У существа свободного и нравственного, каким является человек, это стремление особенно мучительно и драматично. Любить – значит отдавать себя, жертвовать собой, выходить за свои пределы и так находить подлинную глубину и качество жизни. На противоположном полюсе – стремление брать, принимать, а не приносить жертвы, замыкаться в себе и никого к себе не подпускать. Это – нравственная смерть. Лозунг такой духовной смерти – не знать иных законов, кроме своего «хочу – не хочу». Так живут бесы.

Они сбиваются в стаи и группы, способны бояться наказания, но не способны жертвовать собой. Простая птичка, высидевшая птенцов, нравственно выше такого существа.

Тургенев описывает, как маленькая пичуга-мать, у него на глазах, вся всклокоченная, яростно прыгала перед его охотничьей собакой. Ее птенцы выпали из гнезда, а тут, как назло, писатель с ружьем и пес рядом. Каким же чудовищем должна была казаться собака для маленькой птички! Однако, говорит писатель, она бесстрашно бросалась на пса, и тот отступал в удивлении.

Блажен еси, Иван Сергеевич, что помер ты в далекие года, до эпохи исторического материализма. Представляю, как вытянулось бы твое добродушное лицо, если бы люди науки сказали тебе, что птица просто больна, и что ничего страшного, если ты наступишь своим сапогом на ее птенцов или скормишь их своей охотничьей собаке. А вот нам приходится слушать почти на всяком шагу, что любовь – блажь, и жертва – чушь, и самоотдача – бесполезное занятие. Нужно, мол, жить для себя и ради себя, без лишних эмоций, расчетливо, без порывов. Пока не сдохнешь. И это есть последнее откровение человеколюбивой науки. Хотя сердце наше знает, что бесстрашная птичка, защищающая птенцов, – самое лучшее в своем роде существо. Вот только бесам этого не понять, равно как и бесноватым людям.

* * *

Мы вступаем в странную эру, внутри которой пороки поменяются местами с добродетелями. Больные люди будут с хохотом тыкать пальцем в здоровых людей и считать их, а не себя, уродами. Меняться будет все: семейная этика, образ мышления, отношение к детству и старости, культура вкушения пищи... Кстати, о пище.

Как-то в командировке, помню, смотрю в номере отеля телевизор. Рассказывают о том, что в некоторых странах Запада постепенно внедряется потребление насекомых. Логика сногшибательна. На выращивание десяти килограммов говядины затрачивается столько-то средств, времени, кормов, а на выращивание такого же количества опарышей или тараканов – в сорок раз меньше. Вывод – делать фарш, котлетки, бифштексы и т. п. из биомассы насекомых, и дело с концом. Благо при

вкусовых добавках и абстрагировании от природы продукта мало кто заметит, что он ест. Движение пока еще вялое, но динамика есть и обороты наращиваются. Так в передаче сообщили.

И вот я послушал и думаю: что же это за жизнь нас ждет? Женится, к примеру, дядя на дяде, и будут они на ужин кушать в ресторане шашлык из червей, а во время еды – рассуждать друг с дружкой о том, что остались еще в мире какие-то сумасшедшие, которые считают, что Адам и Ева были мужчиной и женщиной. На этом месте они, возможно, искренне посмеются над чужим «невежеством».

Но нам, замшелым традиционалистам, закосневшим консерваторам и заскорузлым ретроградам, иными словами всем, кто по-прежнему остается верен привычным и естественным представлениям о том, что такое хорошо и что такое плохо, нам не до смеха. Как и остальным нормальным людям.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает... (1 Кор. 13:4 – 7). Этим словам почти две тысячи лет, и ни одно не устарело, не изменило своего смысла. Вы наверняка сможете применить их к любым из этих снимков, будь то Священник, принявший в свою семью семьдесят детей, или Бездомные, нуждающиеся в помощи, Влюбленные, или Сестра милосердия, Пес, упавший в ледяную воду.

ВОЗ «скорректировала» апостола Павла: в ее реестре заболеваний теперь есть код F 63.9 – любовь, психическое заболевание одного ряда с алкоголизмом, азартными играми, kleптоманией, наркотиками. Изгоните любовь – и... будьте здоровы!

Без креста нет Христа

П Перед работой зашла в Покровский храм Марфо-Мариинской обители. Привычное место – напротив центральной фрески любимого мною Нестерова «Путь ко Христу» – было свободно, и я вызвала из памяти знакомые слова молитвы. Умиротворяюще пел хор, было благостно и чуть печально. Я смотрела на фреску, и мне казалось, что я тоже стою среди

Все 37 лет они вместе боролись с его пагубной страстью

Колокол возвестил начало церковной службы и одновременно моего рабочего дня. Я поспешно вышла из храма.

Тяжелая старинная дверь с табличкой «Социальная служба милосердия» открылась с трудом. Но за время, что я работаю здесь, эта тяжесть стала привычной, можно сказать, незаметной. Как, впрочем, и многие иные тяжести в жизни, особенно если они повторяются и принимаются осознанно.

Окна нашей комнаты выходят на одну из старинных улиц Москвы – Ордынку. И население ее так и называлось – ордынцы: тяглые люди, главной обязанностью которых была отправка собранной с русских княжеств дани в Орду. Я представила, как едет из Кремля по Ордынке обоз, набитый отнятым у нас добром, и, погруженная в сей исторический экскурс, не сразу заметила, как в комнату вошла Екатерина Ивановна. Поведав голову белой косынок сестры милосердия, она тихо села за соседний стол..

Мне нравилась эта простая пожилая женщина. Хотя мы общались лишь по работе, было такое чувство, что нас связывает нечто большее, чем только общее дело. Она улыбнулась и неожиданно, без всякой видимой связи, сказала: «А я, когда родилась, в корыте жила». И, словно боясь оказаться непонятой, пояснила: «Родители мои, Иван да Марья, жили бедно». Так, от раза к разу, из отдельных фраз и реплик, из коротких, к месту и не очень, воспоминаний ткалась повесть о типичной судьбе типичной русской женщины в нашей такой «нетипичной» стране.

В мае 1941 года Иван да Марья отправили трехлетнюю Катю с полуторагодовалым братиком на лето к бабушке в Днепропетровск. А через месяц началась война, которую затем назовут Великой и

Отечественной. А пока фашисты просто утюжили с воздуха нашу землю, и Днепропетровск в том числе. Родители в то время работали на авиационном заводе на Пресне. Мама обратилась к коменданту Москвы с просьбой отпустить ее за детьми, на что получила отказ: «Там война».

Чтобы не забыть или не перепутать чего-то, я старалась записывать рассказы Екатерины Ивановны.

– А мы в это время уже оказались под оккупантами. В наших домах поселились немцы. Надо сказать, они тоже разные были, немцы эти. Помню, в моем гамаке в саду лежит здоровый детина, а я его качаю, а мне всего три года. Мой братик вскоре умер, то ли от испуга, то ли что-то съел – у него начался кровавый понос. Бабушка очень сильно убивалась, а я толком ничего не понимала тогда...

Сегодня, когда многие нынешние подростки не знают, да и не хотят знать, кто против кого воевал в той войне, кто вынес главную тяжесть, кто чьим был союзником, а кто врагом, такие странички живой человеческой памяти приобретают, по-моему, особую ценность.

– Бабушка моя работала в больнице, ей давали списанные простыни, и она из них шила одежду, ездила в деревню и выменивала ее на продукты, тем и спасалась от голода.

Днепропетровск находился под немцами, итальянцами и румынами больше двух лет, с 25 августа 1941 года по 25 октября 1943-го. Екатерина Иванова рассказывала, что когда наши войска уже были на подходе, фашисты стали выгонять всех из своих домов. «Я не понимала, для чего

этой толпы простых верующих людей – раненого, перевязанного воина, опирающегося на костыль, сестер милосердия, помогающих больным детям приблизиться к Христу. Их мысли, чувства, взгляды – все в едином порыве было направлено к одному – к Спасителю, и в этом порыве они были едины.

Как же и мне хочется найти к Нему путь, как хочется приблизиться к Нему!..

это. Маленькая была. Помню только, что немцы очень спешили, а потом вдруг неожиданно уехали».

– Утром мы проснулись, видим: наши идут. Мы все встали по обе стороны улицы. Наши воины шли в полной тишине, никто не ликовал, не кричал. Помню только: у солдат вид был очень усталый, можно сказать, они были предельно усталые.

Той же осенью в Днепропетровск приехал отец и забрал Катю в Москву. Она не помнила даже, как выглядят родители, и когда ее привезли домой, она увидела, что на кровати лежит «чужая тетя» – это оказалась ее мама (у нее только что украли продуктовые карточки, и она так тяжело переживала потерю, что даже захворала). Маленькая Катя очень долго к ней привыкала. Отец, человек добрый и веселый, заболел раком легких, он много курил; ему сделали операцию, и он прожил после нее четыре месяца. Медицинский персонал удивлялся, что в онкологической палате раздается смех – отец рассказывал анекдоты.

– Бабушка моя любила петь, и я пела вместе с ней. В 1947 году поступила в высшую музыкальную школу, закончила по специальности «дирижер-хоровик», работала в обычной школе – преподавала уроки пения.

Я все ждала, когда Екатерина Ивановна станет рассказывать о вере, и однажды, словно угадав мои мысли, она сказала:

– Наверное, ждешь, когда я заговорю о Боге? Церкви тогда я совершенно не признавала, не понимала, что люди там делают. Я с детства усвоила, что «религия – это опиум для народа». Что поделывать, нас так воспитывали, вбивали «коммунистическую правду» в наши головы.

Так что к своей взрослой, самостоятельной жизни Екатерина Ивановна при-

ступила вполне неверующей и, честно говоря, не испытывала от этого неудобств. Вскоре вышла замуж за человека доброго, хорошего, но не прошло и полугода, как выяснилось, что он алкоголик. Забегая вперед, скажу, что прожили они с ним 37 лет, и все эти годы он не оставлял своей пагубной привычки, хотя и пытался избавиться от нее.

До сих пор помню, как тихо и внешне спокойно произнесла она фразу:

– Мою первую дочку насмерть сбила машина, когда она была в коляске.

– Что же вам помогло выжить? – спросила я.

Она молчала. Я взглянула на нее, ее взгляд был спокойным, казалось, это не на ее плечи лег груз смертей, болезни и боли. Ответ был неожиданным:

– Мой муж. Он был настоящий мужчина, работающий, веселый... Когда не пил. После запоев каялся, просил прощения. Куда только мы с ним не ездили, куда только не обращались... Он так переживал, что не может не пить!.. Столько раз пытался бросить – и ничего не получалось! Был период, когда он два года после клиники не пил. У нас родился сын. Но радость оказалась преждевременной. Вернулся на прежнюю работу – и снова запой. Когда он был пьяным, мы убегали из дома. У меня просто опускались руки, я не знала, что делать. Только-только забрезжит надежда – и все опять прахом. В сорок три года у нас родилась дочка, сейчас ей тридцать лет, а сыну уже сорок пять. Невестка, жена сына, стала выпивать вместе с моим мужем. Дом коромыслом, дым коромыслом... Я не знала, куда деваться. Всякие мысли приходили. Теперь-то я знаю: что невозможно человеку, возможно Богу. То есть человек без Бога ничего не может. Но тогда я не имела об этом никакого представления и рассчитывала только на себя, на свои силы...

Тот, кто читает эти строки, наверное, думает с досадой: и чего она с ним нянькалась? А она его просто любила. Любила такого, каким он был. Несчастного, больного, слабого человека. Любила и жалела. Что ж, ей нужно было бросить его? Но тогда она была бы не русская женщина Екатерина Ивановна. И вот однажды...

– У меня на работе знали о нашей беде. И как-то одна сотрудница, она была верующая, принесла какую-то книжицу с непонятными мне молитвами – акафистами. И я в пятьдесят лет пошла в храм на Якиманке. И, естествен-

но, ничего не соображала, но стала ходить, потихоньку, потихоньку. Стала читать «Душеполезные поучения» аввы Дорофея. И когда стала регулярно ходить в храм, – хотите верить, хотите нет, – поведение моего мужа стало меняться, стала меняться дочка. А вскоре и муж пошел с нами «за компанию», потому что он нас тоже любил.

Среди тех, кто читает «Лампаду», наверняка есть люди и не очень воцерковленные, а может, даже и вовсе маловеры. У них может возникнуть мысль: как-то все очень уж легко получается – стал человек ходить в церковь, молиться за пьющего, а тот, глядишь, и начал исправляться. Господу действительно все возможно. Вспомните, как в Евангелии: слепой тотчас прозрел, расслабленный взял постель свою и начал ходить. Что тут говорить: на то оно и чудо, чтобы совершаться мгновенно. Я о другом, на что и хочу обратить внимание как воцерковленных, так и не очень. Сколько лет, сколько терпения, труда и сил положила эта женщина, пытаясь спасти дорогого ей человека, сколько вынесла страданий на этом пути, однако не свернула с него и смиренно продолжала нести свой крест. Так что чудо на пустом месте не рождается.

– У дочери моей до чего был строптивый характер, на любое мое слово говорила «нет», я не знала, что делать и как разговаривать с ней, и ругала, и наказывала. Пока не обратилась за помощью к священнику, который ответил коротко: «Злом зла не победишь». Я задумалась. Теперь я старалась все делать без злобы. Стала ее водить в воскресную школу к отцу Аркадию Шатову (теперь он епископ Пантелеимон). Мы жили бедно, дочку в школе дразнили бомжихой, за то что она носила длинную юбку и отказалась вступать в пионеры. Спустя несколько лет, разбирая бумаги, я нашла ее школьное сочинение на тему «Мой любимый герой» и прочла в изумлении: «Мой любимый герой – Пресвятая Богородица!» А я-то все была недовольна дочкой...

Однажды Екатерина Ивановна спросила у духовного отца: «Как полюбить людей?» Он ответил, что надо вначале научиться терпеть. Спросила, как приобрести мир в душе. Он ответил, что для этого надо совершить подвиг, а какой – не сказал, и уже из книг она поняла, что это подвиг терпения и смирения. Батюшка сказал: «Муж – это твой крест».

– Мы с мужем обвенчались. С ним

тепло поговорил наш духовник. Он стал ходить в храм, исповедоваться. Все это происходило не быстро, на протяжении длительного времени, и он не часто ходил в храм, но – ходил. Потом заболел туберкулезом. Инсульт. Полностью потерял речь, ни слова не мог сказать, но когда смотрел передачи по телевизору, если был с чем-то не согласен, то ругался, в этот момент он мог совершенно чисто и понятно сказать матом. Сейчас я понимаю, что это одержимость, но он боролся. Боролся до конца. Болезнь отняла у него возможность пить и даже курить, он был парализован на правую сторону. Мне говорили: «Да брось ты его!» Но я понимала, что это крест, который я смогу нести. Когда другие говорили, что такое невозможно, у меня было ощущение, что подо мной опора, мне не хотелось жаловаться, не хотелось искать облегчения. Я знала, что этот крест дал мне Господь, и объясняла себе, что я должна это понести за грехи. И крест становился легче. И потом, должна же я что-то терпеть? Я за всю жизнь столько грехов набрала, в Бога не верила. И поняла, что если бы мой муж не был таким, я, может быть, никогда бы не пошла в храм. Муж причащался в последние годы один раз в месяц. Перед смертью его причастили, и в гробу он лежал таким умиротворенным и красивым. Он всю жизнь боролся со страстью, которая то побеждала его, то отступала перед моей преданностью и любовью.

И я поняла, глядя на эту женщину: Господь венчает не всегда победителей, а иногда и побежденных, но борющихся. Связанный пленник может ли противиться плети? Одним копытом можно толкнуть в бездну ада, и одним вздохом можно надеть терновый венец на страдающую, измученную, но не покорившуюся греху душу. И неважно, чей это вздох, – пробудившейся души, или матери, плачущей над сыном, или жены над болящим мужем.

Еще недавно мне казалось, что мои силы истощены в борьбе с грехом, но я иду после работы по Большой Ордынке, и высоко горит звезда. Она горит, сейчас словно указывая мне путь, путь к Богу. И, может быть, я так и не смогу прийти ко Христу в подвенечном платье или в чистом одеянии Христовой Невесты, а окажусь перед Его взором с сознанием своего бессилия, с одним лишь покаянным вздохом и любовью...

Людмила Бутузова

Знатное времечко

Как гражданин Швеции стал передовым российским фермером

Шведу Матиассону нравится быть русским фермером

ЭТО ЛЮБОВЬ

Как этот чужак попал к нам? В начале девяностых сельскую перестройку в России консультировали специалисты из Международного аграрного фонда. Среди них оказался и шведский агроном Ярл Матиассон.

– Я приехал и целый год скрецивал шведские технологии с колхозным строем, – с ужасом вспоминает Ярл тот мучительный опыт. Ничего не получилось. Крестьяне отчаянно сопротивлялись.

Матиассон ретировался, но затаил мечту взять реванш. Для этого выпросил у районных властей 850 гектаров в аренду. Строго говоря, не сам выпросил.хлопотала за Ярла переводчица Галя – учительница в здешнем техникуме.

– Вот так, благодаря образованным девушкам, российские села и обзаводятся инвесторами. – подначивает шефа управляющий фермой Саша Воронов.

Ярлу смешно. При чем здесь инвестиции, если это любовь. С первого взгляда. Со второго он женился. Галя почему-то не захотела в Швецию, хотя Ярлу рассказывали, что российские невесты спят и видят, как бы поскорее покинуть родину. Его жена оказалась настоящей патриоткой.

К тому же Галина, в отличие от колхозников, быстро разобралась в аграрных перспективах, поэтому и хлопотала о земле для их семейного хозяйства.

НУ, МАКАР!

– Меня предупреджали: это там, где Макара телят не пас, – рассказывает Ярл. – Для шведского уха это звучало крайне загадочно.

Он все-таки добрался к Макару и до вечера соображал, каким образом этот сукин сын смог так уделать землю, что ее даже техника не берет.

– Чистый асфальт был – во как укатано! – не без гордости подтверждает головищенский старожил Валера Нахабин. – Я этому шведу сразу сказал: ядерные отходы ты сюда не запихаешь. Он заулыбался: ест, ест... По-ихнему – типа, хорошо, понял тебя.

На самом деле Матиассон Валеру не понял, потому что еще не знал, что, по деревенским понятиям, иностранцы для того и внедряются на нашу родную землю, чтобы закопать в нее ядерные отходы, а на месте коровника построить бордель. Потом, во избежание массовых протестов, они с Галиной обошли все шесть домов деревни Головище. Ярл предъявлял плакат с перечеркнутой атомной бомбой, что должно было означать его мирные намерения, мимикой изображал свое отрицательное отношение к борделям.

Поколебавшись, население смирилось с присутствием иностранца. А сейчас всем так и вовсе хорошо. На краю деревни, где когда-то был святой источник, Матиассон построил часовню, расчистил родник. Никто его об этом не просил, за годы без-

Швед Ярл Матиассон уже двадцать лет фермерствует в Орловской области, а к местным порядкам так и не приспособился. Например, на затяжных совещаниях у него бессонница, а наши специально съезжаются, чтобы поспать. Последний случай: на конференции АККОР к обеду весь зал храпел, у Матиассона – ни в одном глазу. Даже оратор возмутился: стараешься-стараешься, а этот все сидит, смотрит...

Выхлопотала. Ярл поехал на место будущей дислокации – в деревню Головище.

временья многие уж забыли, как лоб перекрестить да о душе подумать в несуетном месте. Ярл посчитал это неправильным. Говорит: без веры человек – одинокий и незащищенный, у кого ему просить надежду и защиту? Люди теперь едут к источнику со всего района – водички набрать, свечку в часовне поставить. Благодарят фермера за доброе дело. И местным завидуют, что судьба свела их с таким понимающим человеком.

Головищенские тоже сами себе завидуют. После уборки фермер выдает им дивиденды – по тонне зерна на каждый двор. Бесплатно пашет огороды. Да и вообще – живой человек рядом, все не так страшно в их глухомани.

– Чиновники мне вообще не препятствовали, – утверждает Ярл. – Взятку никому не давал.

Ходят слухи, что за него это делала русская жена Галина. Причем так, что муж ничего и не заметил. Сам Матиассон просто свозил в гости в Швецию некоторых местных чиновников, и теперь между ними крепкая дружба.

По российским законам, взять землю в аренду иностранцы могут на условиях инвестирования в производство капиталов и техники. С инвестициями Ярлу помог папа Фольке. Сначала он купил сыну квартиру в райцентре. Исключительно потому, что она называлась красивым именем хрущевка. К изумлению папы Фольке, выяснилось, что в таком тесном помещении спать можно только стоя. Для исправления своей ошибки наказал сыну при первой финансовой возможности строить настоящий дом в деревне. Потом пригнал из Швеции, со своей фермы, три престарелых

трактора. В России у них открылось второе дыхание, работали как звери. У Ярла уже давно целый парк современной техники, но допотопный папин «американец» в металлолом не сдан – стоит в ангаре, как память о начале российской эпопеи.

КОНЕЦ СОБЕСА

– Знатное было времечко, – с чувством говорит Ярл. – Я только с сорняками на своей ферме боролся шесть лет. Ужас сколько их было! Вопрос стоял так: или они меня победят, или я их.

Швед, похоже, оказался настырнее, – его поля сейчас образцово-показательные.

По ходу дела Галя выучилась на трактористку, потом на бухгалтера, потому что экономика семейной фермы разрасталась на глазах и кто-то должен был отчитываться за это в налоговой. Ярл принял на работу несколько крестьян из недружественного колхоза.

Папа Фольке, когда нанимал работников на свою ферму, платил им по полторы тысячи долларов в месяц, и они старательно работали. Ярл решил поступить так же. Заодно открыл кредит из своего кармана – на социальные нужды. Брали все, кто хотел. Финал был такой.

– Один трактор ему утопили, второй по пьянке разбили, – рассказывает управляющий Саша. – Кредиты вообще не отдают: дескать, не с чего, а иностранец и так богатый. Спасибо, Галя у него женщина решительная – разогнала этот «собес».

Теперь, конечно, порядки совсем другие: от каждого по способностям, каждому – по труду. Воронов за этим строго следит: чуть что – виновного на карандаш, и по итогам месяца на вознаграждение не надейся. Ярл поглядывает на Сашу с уважением: он бы так не смог. У них в Швеции – мягкие лидеры, а в России, оказывается, нужен жесткий кулак. С управляющим, считает Матиассон, ему страшно повезло – любит землю и к ферме относится как к своей. Случайно переманил из соседнего колхоза, который потом все равно загнулся, не выдержав рыночных каверз. Так шведу перепало в аренду еще две тысячи гектаров.

На радостях он вызвал с родины друга-агронома, чтобы хозяйствовать

на пару. У Ярла была тайная надежда, что со временем друг заведет свою ферму и останется в России навсегда. Но девушек, умеющих общаться с иностранцами, в районе уже не оказалось. Были две учительницы английского из средней школы, но они даже между собой разговаривали со словарем, а друг вообще не понял, на каком языке. Зато скочил и уехал. Возможно, и по другим причинам. Например, от дурных предчувствий.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Так и вышло. Вскоре Матиассона отдали под суд за незаконную эксплуатацию земли. Один заводик вспомнил, что 500 гектаров из тех тысяч, что уже пятнадцать лет обрабатывает швед, принадлежат ему незаконно, потому что когда-то выделялись этому заводу для раскрутки подсобного хозяйства. Раскрутить не удалось, бросили, а теперь хотели бы вернуть обратно.

– С фермерами в России так поступают часто, – делает незрелые обобщения швед Матиассон. – Но я верил в справедливость, поэтому весной засеял участок как ни в чем не бывало.

Это он погорячился. Однажды ночью спорные гектары кто-то перепал, заодно разворотили подъезд к ним. Ярл снова засеял, потому что здесь должна быть элитная пшеница, которую выводил перед этим года три, а семена уже ждали в половине хозяйств области.

В отличие от сына, папа Фольке сомневался, что правда будет на его стороне, и все время сыпал соль на раны: дескать, я тебя предупреждал, что нельзя делать бизнес в «неуверенной стране». В смысле, в такой стране, которая живет по законам, понятным только ей одной. Папа оказался неправ. В первых, суд решил дело в пользу Матиассона, справедливо посчитав, что не за что наказывать фермера, у которого зерновые дают урожай по 60 центнеров с каждого гектара. Во-вторых, с законами в России, по мнению Ярла, дело все лучше.

– За Земельный кодекс, – говорит он, – я даже выпил. Ведь теперь арендаторов никто не выгонит, и земли можно брать сколько хочешь.

Вот уж действительно повезло. Как только кодекс вступил в силу, соб-

ственники земельных паев принесли ему 1000 гектаров, можно сказать, на блюдечке. В аренду на 30 лет. Причем со скандалом – по-хорошему им в колхозах пай не отдавали, хоть и не платили ни копейки за их многолетнюю эксплуатацию.

Матиассону пятьдесят. Тридцатилетней аренды ему до пенсии хватит, а там можно и домой – в Швецию.

ПРОЧЬ ОТ СКУКИ

– Здесь интереснее, – не понимает шуток Ярл. – Я с вами многое пережил, свой стал. Это значит – когда русских колотит, то и меня трясет. В Швеции такого не было, там все размеренно.

Да, не повезло стране... Молодые Матиассоны приедут в отпуск, день-два – и от скуки домой. Лучше уж, дескать, вы к нам. Родные навещают. Папа Фольке теперь свободен, свою ферму продал. Когда увидел хозяйство сына, поразился: «Надо же! Я и не знал, что о технику можно не запинаться». У него в Швеции всего-то было 25 гектаров. Ферма еще большой считалась, другие хозяйствуют буквально на пяточке в 10–15 гектаров. От теснотищи, сочувствуют шведам головищенские мужики, они и напридумывали всяких технологий. А у нас – простор, земли много, потому и башку не забиваем.

Ярл мечтает забрать родителей к себе. Построил в Головищах шведскую усадьбу – дом точь-в-точь как на открытке с родины. Баня под красной крышей, колодец, амбары. Газон с полгектара. Сразу видно: у человека есть вкус к просторам.

СКРЕПЫ

Источник всех неприятностей и зол надо искать не вовне, не вокруг себя, а в себе.

*Архимандрит
Иоанн Крестьянкин*

Письма с Бородинского поля*

*Тебе, наш край, тебе, наш Царь,
Готовы жизнь принести:
Спасем твой трон, спасем алтарь,
Отечество и честь!*

Федор Глинка

«АРТИЛЛЕРИЯ ДОЛЖНА ЖЕРТВОВАТЬ СОБОЙ!»

Около 9 часов утра, когда французы уже в третий раз штурмовали Багратионовы флеши, Наполеон приказал одновременно начать наступление в центр русских позиций – на Курганную высоту, где стояла на возвышении батарея Раевского. Вообще-то генерал Николай Раевский командовал седьмым пехотным корпусом, а не самой батареей. Его пехотинцы стояли у подножия кургана и первыми встречали в стыки врага.

Сверху беспрерывно грохали пушки «единороги», которые были так устроены, что могли стрелять через головы пехоты, не задевая ее. Маленькие трехфунтовые пушки заряжали ядрами весом не больше портфеля первоклашки. Но они наносили серьезный вред –

разбивали плотное каре пехоты, повреждали колеса и стволы вражеских пушек. А двенадцатифунтовые орудия стреляли ядрами размером с арбуз. Были и совсем огромные пушки, которые заряжали пудовыми бомбами (в одном пуде – 16 килограммов, это вес двухлетнего ребенка).

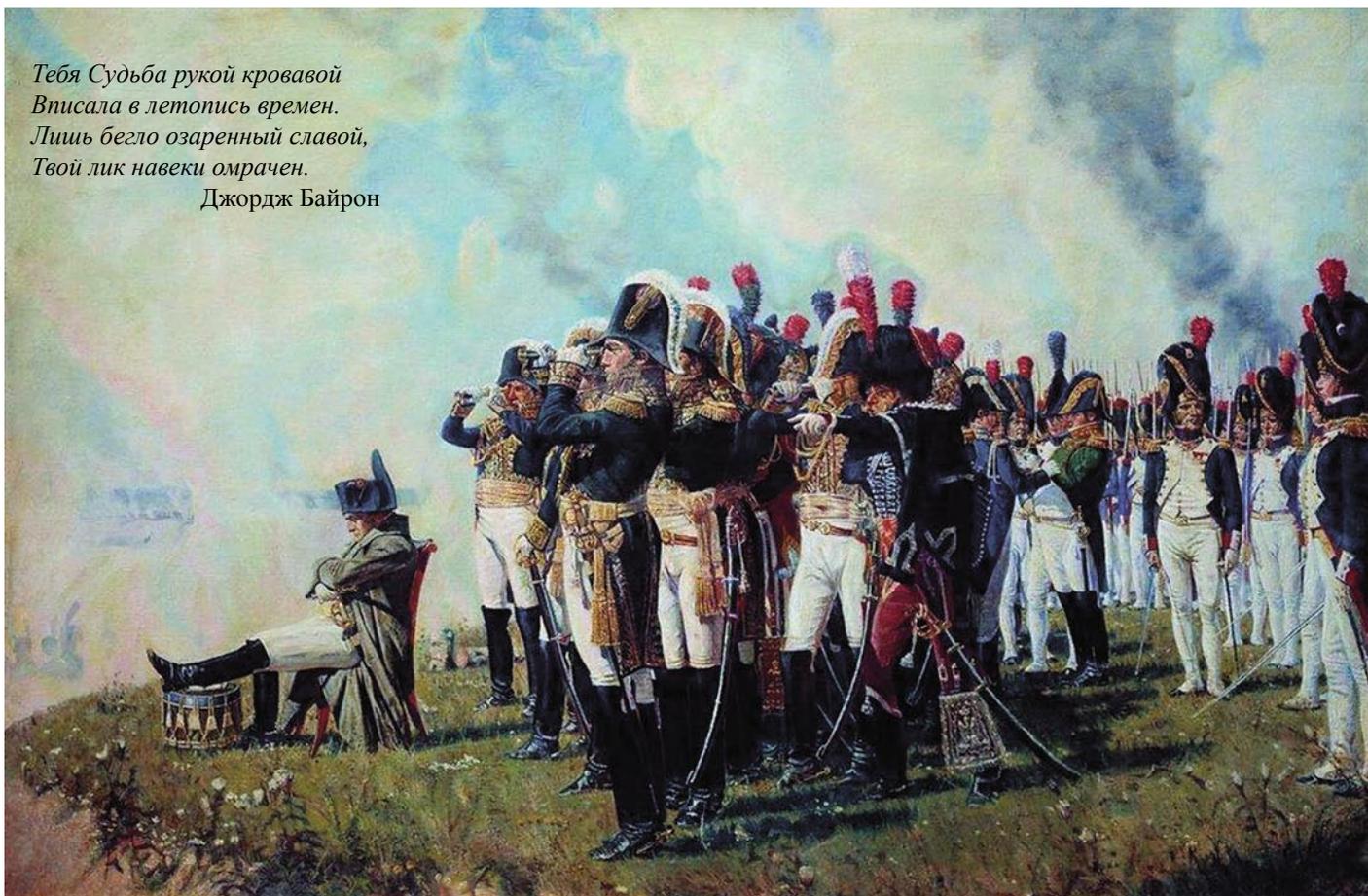
Каждой пушке, большой и маленькой, полагалась орудийная прислуга из пяти артиллеристов (тогда их называли канонирами). Один подносил ядра, другой забивал их в ствол пушки, третий зажигал порох с помощью пальника – длинного шеста с горящим фитилем на конце. Четвертый прочищал дуло после выстрела круглым пушистым банником на длинной ручке. Такой банник, только маленький, наверняка есть у тебя на кухне – им мама моет банки и бутылки. Пятый канонир поливал разгоряченное дуло пушки водой из ведра. Старшим над канонирами был фейерверкер – бывалый

артиллерист. Он хорошо знал математику и умел точно рассчитать расстояние для выстрела и навести пушку на цель. Команды у орудия отдавал офицер, часто совсем молоденький, лет шестнадцати-семнадцати, гораздо моложе многих солдат, которые в те годы долго служили в армии – целых 25 лет. У артиллеристов были темно-зеленые мундиры. От пуль и осколков голову прикрывал черный круглый кивер с маленькими скрещенными пушечками над козырьком. Офицеру полагались шпага, черная треуголка с плюмажем из перьев, перчатки, высокие сапоги-ботфорты и круглые погоны с бахромой по краям – эполеты. Чем гуще бахрома, тем выше был офицерский чин.

Пушки батареи Раевского стояли за земляным валом. Вал имел форму пятиугольника. На военном языке того времени такое укрепление называлось редут. Он был построен накануне вечером. Перед редутом выкопали длинный глубокий

* Окончание. Начало: «Лампада» № 3.

Тебя Судьба рукой кровавой
Вписала в летопись времен.
Лишь бегло озаренный славой,
Твой лик навеки омрачен.
Джордж Байрон

ров, а рядом замаскировали ветками несколько волчьих ям. В мирное время такие ямы использовали охотники, заманивая в ловушку зверя, а теперь они предназначались для вражеской конницы.

Хитро было придумано. Вроде бы чистое поле с холмами и перелесками, батарея на кургане – как на ладони. Понесутся железной лавиной драгуны и кирасиры Мюрата. И провалятся вместе с лошадьми на дно. Остановится на время атака. Канониры как раз успеют перезарядить пушки.

Двадцать шестого августа батарея Раевского выдержала три атаки французов. От пушечного грохота глохли люди. Почернели от пороха руки и лица. От частой пальбы дула некоторых орудий разлетались на куски. За дымом и пылью из-под копыт не видно было августовского солнца. Во время второй атаки снаряды у защитников батареи истощились и орудия притихли. Солдаты из бригады генерала Бонами сначала не поверили удаче, но потом опомнились и, перебив русскую пехоту, ворвались на батарею, захватив 18 пушек. У канониров не было ружей и пистолетов, только тесаки – маленькие сабли. Они отбивались отчаянно, ложились на пушки, обхватив их ру-

ками, чтобы не отдавать врагу. И падали, изрубленные, на землю.

А французы уже разворачивали орудия, чтобы стрелять из русских пушек по русским солдатам. Укрепляли свое трехцветное полосатое знамя на батарее. Улыбались, представляя довольное лицо императора Наполеона. Шуткали – захватить центральное укрепление русских! Да это уже почти победа!

В это время мимо батареи с приказом от самого Кутузова скакал начальник штаба 1-й армии генерал-майор Алексей Ермолов. Рядом с ним – другой генерал, совсем молодой, двадцать семь лет всего, – граф Александр Кутайсов, начальник артиллерии русской армии.

Вечером перед битвой он сам объехал все батареи и лично проверил, как расставлены орудия. Разослал офицерам приказ – зарядов не жалеть, не отступать, стрелять до тех пор, пока неприятель не сядет верхом на пушки. *«Артиллерия должна жертвовать собой. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор...»*.

И вот теперь французы захватывают батарею прямо на глазах! Не медля ни минуты, генералы выхватили шпаги и прищипорили коней наперерез отступав-

шей русской пехоте. Развернули солдат и повели врукопашную – отбивать редут. Дралась саблями, штыками, прикладами ружей, размахивали, как дубинами, огромными банниками. А то и просто лупили кулаками...

Конь Кутайсова вернулся в штаб Кутузова к вечеру 26 августа. Забрызганный кровью и без седока.

... Далеко от Бородина, в подмосковном имении Рождествено, на берегу быстрой и холодной речки Истры, в двухэтажном доме с белыми колоннами, огромным парком и библиотекой ждали сына с войны старые родители. На другом берегу Истры, в усадьбе Аносино, ждала его невеста, юная княжна Анастасия Мещерская. Уезжая из Рождествено в армию, Александр пообещал взять ее в жены, когда вернется с победой. Анастасия обещала ждать. Не дождалась. Артиллерия должна жертвовать собой.

... А батарею тогда у французов отбили. Генерал Ермолов был ранен в шею, его отнесли на перевязочный пункт в роще. Редут был усыпан телами убитых врагов. Те, кто был еще цел, сползали в ров и бежали без оглядки. Не зря наполеоновские солдаты прозвали батарею Раевского «редутом смерти». Только после

третьей кровопролитной атаки французы смогли занять курган, когда погибли последние отважные его защитники.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ДАР

Холодов еще было ждать и ждать. Весь сентябрь 1812 года Москва полыхала пожарами. Сухой, еще жаркий ветер быстро разносил огонь по городу. Он не пощадил ни одноэтажных деревянных домиков, ни высоких каменных особняков московских аристократов. Белые мраморные львы у входа, почерневшие от дыма, грустно глядели вслед одиноким прохожим. Горели баржи с сеном на Москве-реке, провиантские склады¹ и магазины.

Французская армия, занявшая город в начале сентября, сразу начала голодать. Солдаты обыскивали брошенные дома и подвалы, хватая что попадется. Вытаскивали на улицу диваны, обитые шелком, и, усевшись на них, пили вино прямо из бочек. Нашли еще целую батарею глиняных кувшинов с вишневым вареньем.

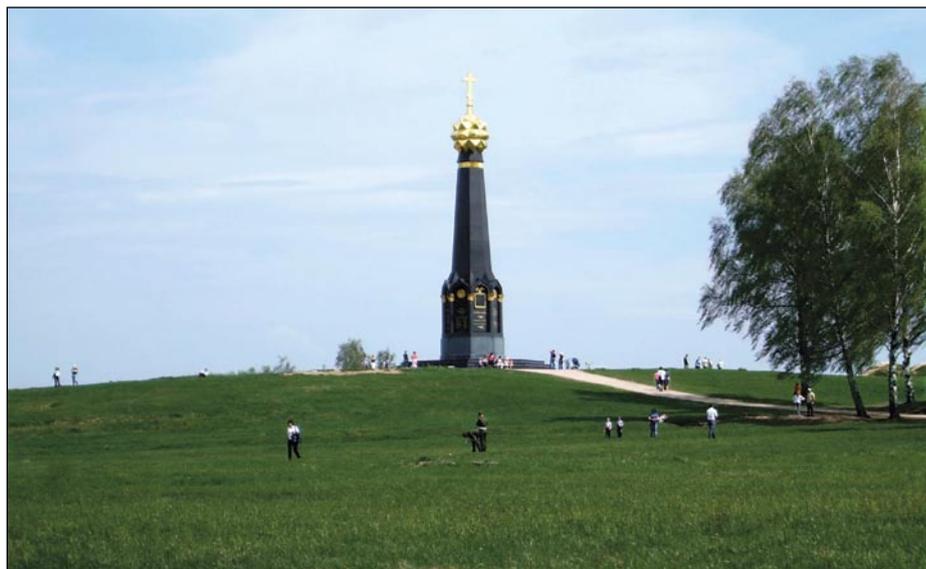
Но хлеба и мяса не было совсем. Скоро с московских колоколен исчезли вороны и галки. Голодные французские солдаты перестреляли их всех.

По ночам подмораживало. Гренадеры, уланы, гусары, забыв про воинскую дисциплину, как разбойники, нападали на горожан, отбирали теплые кафтаны и шапки. В поисках золота врывались в московские храмы, снимали драгоценные оклады с икон. В Благовещенском соборе Кремля драгуны разожгли костер и переплавляли в огне чаши для Причастия, подсвечники, кресты, набивали солдатские ранцы золотом. В Успенском соборе, главном храме России, где венчали на царство русских государей, устроили конюшню.

А город все горел. Французы всюду выискивали и тут же расстреливали «поджигателей». Говорили, что сами русские зажгли свой город. В душах наполеоновских маршалов поселился страх – можно ли победить этих людей? Наполеон, расположившийся со своей свитой в Кремле, не чувствовал себя в безопасности.

Неожиданно в конце сентября выпал снег и выгнал французов из Москвы. Они отступали по раскисшей от октябрьских дождей Старой Смоленской дороге. Той самой, по которой победно въезжали в

¹ Так назывались большие помещения, где хранились запасы продуктов.

А сегодня за это поле бьются будущие владельцы коттеджей

Бородино. Обмотанные для тепла пестрыми бабьими платками, в шубах поверх мундиров, наполеоновские солдаты были больше похожи на участников карнавала, чем на регулярную армию. Только невеселое это было шествие. Лошади и пушки вязли в грязи. Обессиленные животные падали на дорогу и больше не вставали. Голодные и простуженные солдаты «Великой армии» перестали подчиняться командирам. Они бросали оружие и разбежались в поисках пропитания по окрестным деревням. А там их поджидали партизаны.

Хмурые бородатые мужики, бабы, мальчишки, солдаты, бежавшие из французского плена, помещики разоренных усадеб составляли грозное партизанское войско. Вооруженные вилами, косами, топорами, отобранными у французов ружьями и пистолетами, партизаны внезапно нападали на вражеских солдат, оставших от своего полка, и уводили в плен. Параллельно с армией Наполеона двигалась, укрытая лесами, отдохнувшая армия Кутузова. «Этот старый лис Кутузофф» – так называл фельдмаршала Наполеон. А он действительно приготавливал французам ловушку – заставил их отступать через разоренные ими же города и деревни, да еще гнал без передышки днем и ночью.

Наполеон уже оставил Можайск, Малоярославец, Вязьму, Смоленск. Маршалы нашептывали ему: «Ваше величество, пора убраться из этой проклятой страны! Здесь земля горит под ногами!». Наполеон слушал, наклонив голову, и молчал. А как же победоносный поход в Азию? Как же несметные сокровища Индии, до которых из России рукой по-

дать? Но мокрый ноябрьский снег падал и падал на черную императорскую треуголку. Руки зябли в перчатках. Наполеон кивнул и велел подавать карету.

У реки Березины русские войска прижали французов к берегу. Наполеон приказал скрытно возвести мосты и быстро переправляться. Опять взялись за дело понтонеры генерала Эбле. Как только на другом берегу оказался императорский возок, полки Старой гвардии и маршалы, Наполеон велел мосты сжечь. Пусть остальные выбирают как знают. Некоторые солдаты, сбросив сапоги и тяжелые ранцы, пытались переплыть реку. Но в ледяной воде сводило ноги. Солдаты барахтались, умоляя императора о помощи, и шли на дно. А с берега напирали все новые и новые полки. В давке и перестрелке с русскими гибли последние остатки «Великой армии».

«Война закончилась за полным истреблением неприятеля», – рапортовал фельдмаршал Кутузов императору Александру I. В самый день праздника Рождества Христова император подписал манифест об изгнании «армии двенадцать язык» из России.

«С нами Бог!» – рокотали басами певчие в храмах за рождественской праздничной службой. Богомольцы, крестьяне, подпевали хору ликующими голосами. С нами Бог, с нами! Во всех храмах России служили благодарственные молебны Христу Спасителю. В Петербурге люди толпами бродили по улицам, кричали от радости и бросали к облакам шапки. В окнах особняков светились рождественские елки. Это было самое необыкновенное Рождество с самым лучшим подарком.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЗ ЧЕГО НЕВОЗМОЖНО ЧУДО?

Иерей Христофор Хилл – Павел Демидов
Личная вера Христофора Хилла 2

Митрополит Сурожский Антоний
О чудесах 3

Алексей Варламов
Смотрите фильмы Кустурицы и Тарковского,
читайте Грина 6

Лариса Беляева
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста... 8

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Священник Ярослав Шипов
Рюшечки 10

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Священник Владимир Русин
Средние Апочки: третий век начинается! 11

Юрий Снегирев
Берег спасения 12

Виктор Ахломов
Открой двери своего храма 14

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Наталья Попова-Яшина
И Родина, и поэзия – всё Бобришный Угор 16

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров
За поруганной поймой Мологи 19

Дмитрий Шеваров
С высоты полета чайки 20

Монахиня Софрония (Алексеева)
Мы вылеплены Божьею рукою 22

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
Душа на ладони холста 23

МИР ВОКРУГ НАС

Александр Мартинес-Пуэрта
Иногда полезно глянуть
на себя сверху 27

Протоиерей Андрей Ткачев
Одно расстройство 30

Галина Лебедина
Без креста нет Христа 32

Людмила Бутузова
Знатное времечко 34

ЛАМПАДКА

Елена Литвяк
Письма с Бородинского поля (окончание) 36

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Александра Федорова

Обложка: часовня Пятницкого
колодца (Параскевы Пятницы) в
Сергиевом Посаде. Фото Вадима
Рутковского

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 03.07.2012

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ООО «Типография Мосполиграф»
Москва, 4-й Лихачевский пер., д. 4

Контактный телефон:
8 (495) 974-3338

Тираж 1300 экз. Заказ № 1278
© Лампада, 2012

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса
России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или

8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

Иверской иконы Божией Матери на Вespолье
(ул. Б. Ордынка, 39)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими
воротами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

прп. Алексея, человека Божия (2-й Красносельский
пер., д. 3)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

Троицы Живоначальной в Хохлах
(Хохловский пер., 12)

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове
(Серебряный остров, д. 1, стр. 1)

Свято-Троицкая Сергиева лавра (г. Сергиев Посад)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

царевича Димитрия при Голицынской
(1-й Градской) больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)

магазин «Кириллица»
(Черниговский пер., 9/13)

апостола Иоанна Богослова
(Богословский пер., 4)

свт. Климента, папы Римского
(ул. Пятницкая, 26/7)

Успения Божией Матери
в Казачьей слободе
(ул. Большая Полянка, 37)

Живоначальной Троицы
в Карачарове
(Рязанский проспект, 3)

ISSN 2225-0271

9 772225 027100